На этом моменте качается вечность



18+

Завет влюбленных

18+

Софья Хейдекраут

Софья Хейдекраут

Завет Влюблённых

«Автор»
2026

Хейдекраут С.

Завет Влюблённых / С. Хейдекраут — «Автор», 2026

Именно их пути пересеклись, предопределенные проклятием и надеждой. Иветт и Кьеран - связанные богами. Вместе им предстоит узнать правду о себе, столкнуться с надвигающимся хаосом и, возможно, найти способ снять проклятие, тяготеющее над Альентаром. Их встреча была предначертана, но смогут ли они выстоять перед грядущей тьмой?

© Хейдекраут С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 3. Готов или нет, часы отсчитывают время. 17
Глава 4. Зло таится либо под нашими могилами, либо отравляет все цветы в ее волосах. 23
Глава 5. Дьявол в зеркале, он уставился прямо на меня. 27
Глава 6. Я буду вести катафалк, пока не паду и не выдохнусь 36
Глава 7. Ты до сих пор здесь, пленник в моей голове. 43
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Софья Хейдекраут
Завет Влюблённых

Перед вами — текст моей первой истории. Приквел к циклу "Имя им Легион" был написан много лет назад и долгое время не редактировался. Я решила сохранить ту самую атмосферу, с которой всё начиналось. Из-за этого в книге возможны опечатки, стилистические шероховатости и места, которые сейчас могли бы звучать по-другому. Пожалуйста, отнеситесь к этому с пониманием — и приятного чтения!

ГЛАВА 1. Я - звезда, я – Сириус.

Свинцовые тучи заволокли небеса над Сент-Эмерод, предвещая скорую бурю. После оглушительного раската грома на землю посыпалась мелкая морось, грозящая обернуться яростным ливнем. Тяжелые капли дождя монотонно барабанили по обветшалой крыше хижины, приютившейся на вершине холма у самых Карпатских лесов.

В жизни каждой ведьмы наступает момент, когда она со всем усердием принимается за искусство призыва демонов. И хотя непосвященному это может показаться не сложнее, чем работа со свечной магией, это впечатление обманчиво. Призыв демонов – опасная игра, требующая не только знаний, но и крепкой воли. В центре комнаты, внутри пентаграммы, словно в клетке с острыми углами и невидимыми стенами, восседал демон.

— Слышал, ты, как и я, затаила обиду на Иварта? Может, объединим наши силы? — прозвучал его хриплый голос.

— А я слышала, что смерть лишила тебя последних остатков разума. Если это правда, то ты бесполезен, — отрезала ведьма, не отрывая взгляда от ветхого фолианта, лежащего перед ней на столе. Каждую из этих огромных книг Нигма изучила вдоль и поперек. — Здесь я задаю правила, а не ты. Еще пять минут назад ты догнивал в аду после мучительной смерти, а я вытащила тебя оттуда.

— Очень мило с твоей стороны, Нигма, — демон выдавил на своем лице подобие улыбки, переводя взгляд на зеркало, стоявшее в углу хижины. — Где ты откопала такое восхитительное тело?

— У Хрустальных озер, — Нигма задула свечу, стоявшую перед ней. — Не пропадать же добру. Видимо, расстался с жизнью по той же причине, что и ты.

Демон сморщился, словно от зубной боли.

— Не напоминай мне о моей кончине, ведьма. Зачем я тебе понадобился, если ты так уверена в своем превосходстве?

За окном раздался шум крыльев, затем легкий стук. Небольшой инцидент на балконе прервал их разговор, заставив Нигму выглянуть наружу. Краткий осмотр подтвердил худшие опасения: на балкон заявился голубь, наглый и упитанный. Сама по себе ситуация была штатной, но народные приметы, касающиеся этих птиц, сулили всяческие неприятности. Нигма лихорадочно пыталась вспомнить, что залет голубя на балкон предвещает скорые новости или говорит о благоприятной энергетике дома. Но вот если эта пернатая тварь проберется внутрь – быть беде, ссорам и испытаниям.

Ведьма мгновенно захлопнула приоткрытую балконную дверь, чтобы предотвратить вторжение. На ходу она пыталась вспомнить известные ей изгоняющие заклинания, но те, похоже, были совершенно бессильны перед пернатым захватчиком. Не растерявшись, Нигма прибегла к более прозаичным методам – схватила швабру. Но тут же поняла, что достать голубя на закрытом балконе таким образом не получится.

— Только попробуй тут мне гадить, зараза пернатая, я тебе все перья повыдергаю! — прошипела она, угрожающе размахивая шваброй в сторону голубя и пытаясь казаться больше. — Кыш отсюда! — В момент отчаянного выпада, когда она пыталась морально подавить невозмутимого голубя, в дверь постучали.

— Кого это принесло в такую рань? — ядовито поинтересовался демон.

Колдунья проигнорировала его вопрос. Отперев все внутренние замки и щеколды, она осторожно приоткрыла дверь.

— А, это ты? — спросила она, выглядывая из-за двери. — Ой!

Кьеран – ее добрый приятель, иногда заглядывал в гости пообедать, приносил всякие мелочи, рассказывал городские сплетни. И сегодня он, конечно, выбрал самый подходящий момент для визита. Нигма от неожиданности попыталась спрятать за спиной швабру, но тут же бросила это безнадежное дело. В пылу сражения она совершенно не подумала, какое впечатление произведет на постороннего человека такая картина, как она, вооружившись шваброй, гоняет голубя по балкону.

— Может, впустишь? — с приподнятой бровью спросил мужчина.

— Ладно, — она распахнула дверь пошире.

— Я по делу. О, а тут у тебя кавалер? Не вовремя я? — с усмешкой спросил он, окидывая взглядом демона.

— Да я скорее с чертом договорюсь, чем с демоном! — возмущенно заявила Нигма.

— У всех свои предпочтения, — пожал плечами Кьеран.

Ведьма лишь закатила глаза в ответ.

— Ты серьезно демона призвала? — Кьеран усмехнулся.

— В личных целях, — быстро ответила Нигма. — Представь, что его здесь нет. Так что там у тебя?

— Да как тут представишь, когда такой смрад…

— Да уж, а от тебя, наверное, фиалками несет! — вмешался в разговор до этого молчавший демон, явно задетый этим замечанием. — Да от вас, колдунов, за версту разит прогнившей землей и мокрой псиной!

— Нигма, будь добра, заткни ему пасть, — попросил Кьеран как можно любезнее. — И уши заодно.

Нигма вздохнула и махнула рукой. Теперь от демона доносилось лишь невнятное мычание.

Кьеран выдохнул и, наконец, принял серьезный вид.

— Дело серьезное, Нигмаруэтт.

— Боги всемилостивые! — Ведьма вздрогнула и отскочила, словно ее ошпарили кипятком. — Когда ты называешь меня полным именем — жди беды. А я-то думаю, чего это голубь пожаловал. — Она нервно зашагала перед демоном.

— Нигма, меня сейчас укачает. Нельзя ли помедленнее? — Кьеран сложил руки на груди.

— Вот так лучше, продолжай. — Девушка немного повеселела.

— У меня с Джоанной появились метки душ, — Кьеран протянул руку, приподнимая рукав рубашки. Там, красивым каллиграфическим почерком, было выведено имя его подруги-фейри.

Нигма уставилась на метку, разинув рот от изумления.

— Тебе сейчас мошка в рот залетит, — Кьеран усмехнулся и опустил рукав, скрывая метку.

— Вы обсуждали это с Джо? — опомнившись, спросила Нигма.

— Нет, — отрезал Кьеран. — Наши взгляды пересеклись в коридоре, и все. Мы оба сделали вид, что ничего не произошло.

— И тебе это не кажется странным?

— Более чем. Если, конечно, опустить тот факт, что впервые за много лет боги начали связывать души, — с досадой выдохнул он, устало закинув голову назад и опираясь на край стола. — С чего вдруг…

— Может, дело не в них, а старейшины что-то затевают? — предположила Нигма.

— Я тоже об этом думал… — пробормотал он, наклоняя голову к плечу. — Но это не единственная проблема.

— Что еще?

— Мне приснился сон, — Кьеран нахмурился, словно пытаясь восстановить в памяти каждую мельчайшую деталь, промелькнувшую перед его внутренним взором ночью. — Я видел огромный сад, целиком засаженный цветущей лавандой. Чуть поодаль, на каменных плитах, лежала спящая девушка. — От этих воспоминаний по его телу пробежала легкая дрожь. — Волосы длинные, светлые…

Ведьма в изумлении прикрыла рот ладонью.

— Лаванда — символ целителей, их цветок силы. Но черпать эту силу могут только избранные, — прошептала она, вспоминая прочитанные легенды в древних книгах. — Ты помнишь ее лицо?

Кир, нахмурившись, задумчиво провел кончиками пальцев по губам. Он закрыл глаза, пытаясь воссоздать образ девушки из сна как можно четче.

— Нет, помню только светлые волосы, и длинное белое платье… и что она спала, — закончил он.

— Может, это была Джоанна?

Он покачал головой. Образ девушки из сна никак не совпадал ни с одним из знакомых ему лиц.

— Да брось! У нее волосы рыжие, едва до плеч достают, и она уж точно не наденет длинное белое платье. Да и вообще, у нее вкус в одежде совсем другой. - Нигма нахмурилась и, задумавшись, отвернулась к окну.

— Что-то тут нечисто.

Кьеран с любопытством проводил ее взглядом.

— Что ты имеешь в виду?

— Я постараюсь это выяснить. А пока… займись своими делами, — отрезала Нигма, внезапно став серьезной.

— У меня есть еще одна просьба. Мне нужно избавиться от метки душ.

Нигма удивленно распахнула глаза.

— Ты с ума сошел? Если это и правда дело рук старейшин, исполняющих волю богов, то это опасно, ты навлечешь на себя беду!

— Переживу как-нибудь, — спокойно ответил Кьеран. — Она мне не нужна. Я не влюблен в Джоанну, если ты не забыла.

— Непробиваемый! — прошипела ведьма. — Знаю.

— Мне все равно, как именно, но мы должны найти способ снять метки душ с меня и Джоанны.

Молчание затянулось, нарушаемое лишь мерным шумом дождя, стучавшего по крыше хижины. Ведьма устало выдохнула и сдалась.

— Ладно. Ты совершенно упрямый, до невозможности упрямый, твердолобый, и спорить с тобой — себе дороже!

На губах Кьерана промелькнула едва заметная ухмылка.

— Никогда не отрицал своих умственных способностей, — мстительно прошептал он.

— Улыбается он! Ты погляди! — Ведьма уперла руки в бока. — Я попробую что-нибудь придумать, как избавить тебя от этой метки.

— Такая милая, когда злишься, — пробормотал Кьеран себе под нос. — Сроки? — Тут же посерьезнев, он впился в нее темным взглядом.

— С чего вдруг я должна указывать сроки? - Возмутилась она. - Как только что-то нарою - сразу скажу.

Кьеран хмыкнул, отвернулся и скрестил руки на груди. Чертова ведьма, вечно у нее найдется повод для спора - подумал он.

— Хорошо. Я буду ждать ответа, — произнес он и направился к двери.

— Ох, ну и Кьеран, шторм, а не мужчина, — пробормотала Нигма, глядя на закрывшуюся за ним дверь. В воздухе еще витал его запах — терпкая вишня в сочетании с сандалом. Она подошла к окну, глядя в спину уходящего друга.

Иветт Монтеглем, искавшая приключения и не признававшая рутину, стояла на краю пропасти и всматривалась в клубящиеся вдалеке грозовые тучи. Ветер трепал ее длинные волосы, и внезапно она почувствовала чье-то присутствие. В тот же миг полоснувшая по небу молния вырвала из повисшей в воздухе тьмы яркий всполох, и раздался оглушительный удар грома. Но это был не просто звук. Это был звук, пробудивший что-то древнее и могущественное. Земля под ногами задрожала, и широкая трещина, словно рана, расползлась по земле, сбрасывая девушку в черную бездну. Иветт попыталась закричать, но воздух вырвался из легких, как будто его и вовсе не было. Она закрыла глаза, ощущая, как ее тело начинает подниматься, словно на крыльях ветра. Открыв их снова, она увидела, что находится в совершенно незнакомом месте, в другом мире.

В своей прошлой жизни Иветт была студенткой медицинского университета в Афинах. Способной и неглупой, хотя и не без лени и склонности к прокрастинации. Родных у девушки не было, точнее, она их не знала. Лишь та, кто с большой натяжкой назывался матерью — женщина, нашедшая ее на пороге своего дома и сжалившись над подкидышем. Но особой любви к падчерице она не испытывала, лишь жалость.

Теперь же она была очень далеко от всего, что считала своим домом.

Место, в котором Иветт пришла в себя после падения, было пропитано мраком и холодом. Спустя несколько минут, она набралась смелости открыть глаза, осматривая окрестности. Густой туман окутывал все вокруг, не позволяя разглядеть что-либо дальше метра от нее. Но сквозь пелену все же проступали смутные очертания деревьев, кустов и камней. Вокруг простиралась бескрайняя, мрачная равнина, окутанная зловещим туманом, словно живое существо. Она попыталась встать, но ноги подкосились, и в этот момент она почувствовала чей-то взгляд. Взгляд полный ненависти, обиды и… жажды мести. Внезапно туман начал сгущаться вокруг, словно стремясь поглотить ее, и Иветт осознала, что она здесь не одна. Что-то или кто-то ждет ее в этом мрачном месте. Что-то, связанное с ее прошлым, с ее истинной сущностью. И это что-то, возможно, не желает ей добра.

Деревья в этом месте казались больными, с черными, искореженными стволами и перекрученными ветвями, словно измученными вечной бурей, что, казалось, никогда не утихала. Иветт обвела взглядом мрачный пейзаж и заметила, что не одна - в тени деревьев стояли несколько фигур, не сводя с нее взгляда. Сердце бешено заколотилось в груди. Она сделала шаг вперед, и туман немного рассеялся, обнажая ужасающие черты существ, напоминавших людей, но с искаженными лицами и огромными, блестящими глазами. Одно из существ, заметно крупнее остальных, выступило вперед.

— Ты пришла, — разнеслось над равниной, и их голоса слились в один, звучащий одновременно как шепот и гром. — Мы ждали тебя, Иветт.

— Вы знаете мое имя? — спросила она. Говорить было сложно, словно пробиралась ощупью в густом лесу.

— Да. Мы знаем о тебе всё, — ответила крупная фигура. — Ты — ключ. Особенная. Здесь ты найдешь то, что искала всю свою жизнь.

В голове Иветт промелькнули воспоминания о ее прошлой жизни в Афинах, о неутолимой жажде неизведанного, о постоянном ощущении, что чего-то не хватает. И она понимала, что это место и есть то, о чем она всегда мечтала — полное тайн и, возможно, откровений. Но цена этих открытий могла оказаться непомерно высокой.

— Почему я? — с нерешительностью спросила она, чувствуя, как страх сковывает грудь.

Крупное существо приблизилось и пристально всмотрелось в ее глаза.

— Ты не просто студентка.… В тебе горит сила, сокрытая глубоко в сердце. Эту силу мы должны освободить, чтобы восстановить равновесие. Не бойся. Здесь ты не одна.

Голос завораживал, дурманил рассудок, словно крепкое вино. Было трудно сопротивляться, но она собрала все силы и ответила:

— Но я не хочу…

— Не хочешь? — голос зарычал, в нем прозвучала неприкрытая злоба. — Что ж, у Хозяина не бывает вторых шансов.

— Хозяин? — прошептала девушка одними губами.

В этот момент все ее тело пронзили тысячи невидимых игл, и она закричала от нестерпимой боли. Голос нарастал, будто звучал отовсюду.

— О, ты будешь удостоена чести предстать перед Хозяином.

Невидимые руки подняли Иветт в воздух и швырнули в черную пропасть. Дальше — лишь всепоглощающая тьма. И в этой тьме она услышала шепот: Ивэлль…

ГЛАВА 2. Смотри, все преклонились и молятся

Кьеран поправил воротник белоснежной рубашки, галстук и нарочито взъерошил отросшие чёрные волосы, придавая облику небрежность.

Сегодня их отряд — он сам, Джоанна, Меланта и Конрад — отправлялся с тайным визитом к лорду Винсенту, известному любителю напыщенности и самолюбования, с которым Кьерану ещё предстояло потягаться. Винсент — не настоящее имя, настоящего, кажется, никто не знает. Он повелитель теней и Хаоса, и до Ордена дошли слухи, что этот надменный павлин затевает грандиозное представление, цель которого пока не ясна. Но где шоу — там и громкие речи о захвате мира. Как лорд теней он, конечно, уступал предшественнику-деду, творившему настоящие зверства; Винсент — лишь жалкая пародия. Однако в последнее время его «творения» стали масштабнее и причиняли всё больше неудобств. Кто знает, может, он и сам дозрел до гениальных идей, чтобы склонить чашу весов в сторону хаоса.

До поместья этого высокомерного шута было всего пару часов пути. Или тридцать минут, если бы Кьерану позволили ехать, как он привык, не соблюдая правил. Но увы: Джоанна, словно улитка, обожала «правильную» верховую езду, Меланта вообще не любила лошадей и садилась в седло лишь в исключительных случаях. И только Конрад, лучший друг Кьерана, с радостью устроил бы скачки. Потому им пришлось тащиться в одном темпе, подгоняя отстающих девушек, — и это спровоцировало словесную перепалку, не утихавшую почти до самого конца пути. Наконец они остановились перед огромными коваными воротами. Кьеран хмыкнул и поморщился, услышав очередной возмущённый крик Меланты.

— Да чтоб я ещё раз села на эту лошадь!— Да перестань ныть, — устало отозвалась Джоанна.— Это ты попробуй пару часов галопом скакать. Мы с Конрадом вообще удивляемся, как твои ноги до сих пор не отвалились.— Эй, за меня не говори, — притворно обиделся Конрад. — Я — самый быстрый скакун Альентара, детка.— Ой, фу, — скривилась Меланта. — Скакун…— Мы что, ещё пару часов это слушать будем? — К ним подошёл Кьеран, поправляя чёрный плащ. Он окинул друзей взглядом и направился к воротам. Беглый взгляд на окна показал: встречать их никто не торопится.— Вы помните, что мы здесь с дружеским визитом, — напомнила Джоанна, устремив взгляд на спутников. — Последний раз повторяю: ника-

ких насмешек над хозяином. А тебе, Кьеран, вообще лучше рот закрыть.— Да уж, тебе точно стоит помолчать, ты вечно ляпаешь не то, что думаешь. — Кьеран поправил рукав. — Госпожа Совершенство.— Да как у тебя язык повернулся! — Джоанна сверкнула янтарными глазами, пока он искал способ незаметно проникнуть внутрь. — Я говорю то, что думают все, в отличие от тебя, наглый самодур.Кьеран расхохотался, Конрад не удержался и присоединился.— Охотно верю. — Кьеран усмехнулся и распахнул ворота. — Дамы, проходите первыми.— Как ты это сделал, братишка? — удивился Конрад.— Тебя ещё учить надо? — проворчал брюнет. — Тебя, одного из лучших магов?— А, так ты просто применил «открыватус»?Кьеран закатил глаза. Чётким шагом они направились к главному входу.

На пороге их уже поджидала высокая суровая женщина средних лет, сразу окинувшая гостей цепким взглядом.— Кто вы и с какой целью прибыли в поместье господина? — холодно спросила она.— Как это кто? Вы не узнаёте? — начал было Конрад, но Кьеран легонько ткнул друга локтем, положил руку ему на плечо и изобразил саму любезность.— Нас нет в списках, мадам, — он одарил женщину самой обворожительной улыбкой, — но уверяю вас, господин пригласил нас в качестве «секретных гостей». Вы же знаете, какой он затейник.Кьеран протянул женщине свиток с приглашением, выведенным почерком Винсента.Она, поколебавшись, игриво заправила прядь седых волос за ухо.— В таком случае проходите.— Чёрт, братишка, я думал, ты такие приёмчики только с дамочками лет на сорок помоложе используешь, — недоумевал Конрад.— Ты идиот, Конрад?Меланта и Джоанна прыснули от смеха.— Может, хоть ненадолго от него избавимся? — промурлыкала Меланта.— Мечтай-мечтай, — ответил Кьеран. — Ему бы почаще общаться с женщинами постарше.— Ой, да ну вас. — Конрад махнул рукой.

Они подошли к огромным закрытым дверям, украшенным длинными серебряными драконьими когтями. Кьеран оглянулся на друзей и осторожно распахнул створки, стараясь проскользнуть внутрь незамеченными.Зал был полон людей — вернее, тех, кто пытался ими казаться. В отличие от мрачного поместья и коридоров, здесь было довольно светло. Золотые колонны и зеркальные полы кричали о полном отсутствии вкуса. Винсент восседал на троне, как и полагается. Рядом высилась огромная конструкция, накрытая красной тканью почти до потолка.— Он что, под тканью цирк прячет? — тихо спросил Конрад.Кьеран не сдержал смеха, прикрыв рот ладонью.— Заткнись и веди себя прилично, — ответил он, поправляя рукава и пряча веселье. Бросив взгляд на друзей, он увидел, что Меланта уже оживлённо болтает с каким-то молодым человеком.— Я тебе что, собачка, Кьеран? — возмутился Конрад.— Твои слова, не мои, — хмыкнул тот.Несмотря на недовольство, Конрад покорно последовал за другом, поджимая губы, словно обиженный ребёнок.Они пробирались сквозь толпу, и кое-кто, заметив их, принимался шептаться с соседями. Внезапно в зале потемнело, свет погас, и взгляды устремились к Винсенту, который медленно вышел в центр. Слуги тут же зажгли свечи вокруг накрытой конструкции. Винсент обвёл всех взглядом и остановился на Джоанне. Лёгкая улыбка тронула его губы.— Добро пожаловать, дорогие гости! Сегодня мы станем свидетелями небывалого зрелища, которое перевернёт ваш мир! Да, вы всё правильно поняли: сегодня Альентар увидит рассвет новой эпохи! — разнёсся по залу его голос. — Вы, мои верные подданные, знаете: равновесие в Сент-Эмероде должно быть нарушено. И сегодня я сделаю то, что окончательно его сломает. Я уничтожу богов!По залу прокатился изумлённый шёпот.— Не буду скрывать: это связано с метками душ. — «Незваные гости» обменялись встревоженными взглядами. — Ведь всем известно, что испокон веков метка давалась девушке-целительнице и мужчине из рода Азаэль. Так ведь?Шёпот усилился.— Какое он вообще имеет отношение к роду Азаэль? — тихо спросила Меланта.— Вообще-то никакого, — шёпотом ответил Конрад. — А вот наш братишка — прямое.Винсент выждал несколько мгновений, наслаждаясь эффектом, и продолжил:— На мне — метка «ключа». Она моя! — Он самодовольно оскалился и поднял руку, демонстрируя запястье, где было начертано чьё-то имя; издалека его не разобрать.Зал

взорвался аплодисментами и восторженными криками. Друзья в шоке переглянулись.— Дела дрянь, да, Кьеран? — без тени эмоций спросила Джоанна.— Этот павлин времени даром не терял… — пробормотал Кьеран и вдруг почувствовал жгучую боль в запястье. Отвернувшись, он зашипел и схватился за руку. Имя Джоанны расплывалось, исчезая под новым — «Иветт». — Боже, что с тобой?.. — обеспокоенно спросила Джоанна, пытаясь разглядеть. Остальные окружили его, перешёптываясь.Превозмогая боль, Кьеран взглянул на руку.— «Иветт»?.. — хрипло прошептал он в изумлении.— Всё в порядке, — солгал он. — Наверное, этот индюк распылил какую-то заразу.— Как думаете, ей больно? — тихо спросила Джоанна, указывая на накрытую клетку. — Девушке внутри.— Это чудовище притащило бедняжку силой, — ответил Конрад. — Представляю, что он с ней делал.— Отвратительно, — прошептала Джоанна, отворачиваясь.— Отвратительно, — сжав кулаки, повторил Кьеран. — Конрад, ты со мной?— Я за любой кипиш, братишка. Но что делать?— Я устрою диверсию, а вы отвлеките внимание.Ребята переглянулись и согласились.Кьеран сжал запястье, унимая боль, опустил рукав, пряча метку. «Уж простите, кучка высокомерных тварей, но придётся устроить маленькую встряску», — подумал он и решительно двинулся к клетке, пытаясь обойти её с тыла и остаться незамеченным.— Куда намылился? — раздалось за спиной, и кто-то грубо схватил его за рукав. Джоанна.Кьеран резко развернулся и оттолкнул её.— Ты спятил?! — ошарашенно выдохнула смуглая девушка.— Я знаю, что делаю. Отвали, — отрезал он и снова повернулся к клетке.

Шум, настойчивый и угрожающий, заставил Иветт резко обернуться; она чуть не запнулась о каменный выступ пола. Ручка клетки снаружи бешено дёргалась — словно обезумевший от ярости человек не мог справиться с замком. «Ведьма», — ледяной мыслью пронзило сознание. Эта ужасная женщина с гранитным лицом и пустыми глазами вернулась, чтобы выполнить угрозу: избить до полусмерти или отвести к Хозяину, чьё имя вселяло животный ужас. Подчиняясь инстинкту, Иветт метнулась в угол, схватила с пола оставленный ей тяжёлый фарфоровый кувшин с дешёвыми цветочками и встала у двери, сжимая оружие до побелевших костяшек. Ручка со щелчком повернулась, дверь со скрипом распахнулась, впуская полутьму. В проёме возникла расплывчатая тень; Иветт, не раздумывая, замахнулась и с отчаянным криком обрушила кувшин. Вошедший был ловок, но недостаточно: кувшин ударил по вытянутой руке и разбился о стену, осыпав пол осколками. Незнакомец вскрикнул от боли, а Иветт попятилась и рванулась к выходу, но дверь захлопнулась сама собой и не поддавалась.

Свет из зала упал на незваного гостя, и Иветт наконец разглядела его. Чуть старше неё, лет двадцати пяти — двадцати семи. Грудь крест-накрест обхватывали толстые кожаные ремни с целым арсеналом кинжалов причудливых форм, рукояти которых украшала замысловатая резьба. По бледной коже на руке змеилась алая полоска — след её атаки. Иветт подняла глаза и замерла: перед ней стоял мужчина, словно сошедший с парадного портрета. Светло-карие, сияющие, как отполированный янтарь глаза, изящные скулы, чувственные губы, длинные пушистые ресницы. Иссиня-чёрные волосы были небрежно собраны в низкий хвост. Он казался воплощением волшебных грез, которыми Иветт иногда утешалась, — вот только принц из её фантазий вряд ли осыпал бы её проклятиями и потрясал окровавленной рукой.— Ты меня порезала, — констатировал он, исчерпав запас ругательств. Голос звучал приятно, с хрипотцой и нотками удивления. — Должен заметить, такой удар мог оказаться смертельным. Ты хоть представляешь, кого пыталась убить?Иветт взирала на него расширенными глазами.— Ты Хозяин? — выдавила она.Он пренебрежительно отмахнулся, не обращая внимания на капли крови.— Обильная потеря крови, вот засада, — пробормотал он себе под нос. — Исход мог быть и хуже, не будь я так чертовски хорош…— Ты Хозяин? — настойчиво повторила Иветт, срываясь на греческий: — Баас? Баас?— Хозяин? — он выгнул бровь. — Это… типа босс, да?— Полагаю, что да.— Ну тогда в каком-то смысле я босс, — заявил он с самодовольной усмешкой. — За свою скромную жизнь я много чего освоил в совершенстве. Улицы Альентара знаю как свои пять пальцев, по-гречески говорю так, что сами эллины позавидуют, разгады-

ваю любые шарады и отлично держу градус. А уж насчёт женского пола… ни одна красотка не устоит.Иветт окинула его пытливым взглядом, силясь разгадать, что кроется за бахвальством.— А ещё, похоже, ты отлично опустошаешь винные погреба. Сколько ты выпил перед тем, как вломиться сюда?Но пьяным незнакомец не выглядел.— Спрошу прямо, — сказал он, слегка склонив голову. — Мне слышится знакомый греческий акцент?— Да, точно, акцент тебя выдаёт с головой. Как же тебя зовут, гречанка?Иветт недоверчиво смотрела на него.— Я вам не мешаю? — раздался грубый голос из зала, и ткань, накрывавшая клетку, рухнула. Иветт похолодела: этот тон принадлежал настоящему Хозяину.— Пошёл вон! — рявкнул брюнет и вновь лукаво взглянул на девушку. — Бегать умеешь? Сейчас проверим, насколько хорошо.

— А у нас гости! — широко разведя руками, объявил Винсент, самодовольно ухмыляясь. Зал зашептался. Винсент спрыгнул с возвышения, приблизился к Кьерану и впился в него хитрым взглядом.— Что, хлебнул эликсира храбрости? Знал бы ты, как долго я ждал этого момента. Ты ведь понимаешь, почему?— Могу только догадываться, — холодно ответил Кьеран. — Поэтому сразу к сути. — Он поднял рукав, показывая метку, предназначенную только для Винсента, но остальные, вероятно, догадались. Шёпот стал тревожнее.— Ты не посмеешь! — процедил Винсент.— Я-то? — притворно удивился Кьеран. — Это воля богов.В зале началось столпотворение, переросшее в хаос.— Тише, тише. — Кьеран шагнул к Винсенту; тот попятился, словно защищая клетку. — Что ты сделал с девушкой? Поставил свою мерзкую метку? Но ты не бог и не получил её согласия. Я прав?— Ты не понимаешь, что творишь, колдун! — прошипел Винсент, попытавшись схватить Кьерана за воротник. Тот легко увернулся и, ухмыльнувшись, оттолкнул лорда так, что тот полетел к трону.— Прекратите! — крикнула Джоанна, бросаясь к ним. — Ты сошёл с ума, Кьеран?!— О, моя ненаглядная Джо! — засиял Винсент. — Тебе понравился мой скромный подарок?— Заткнись, мерзость, — процедил Кьеран.— Ну так что, Джо? Оценила презент? — пропустив мимо ушей его слова, продолжил Винсент.— Ты недостаточно постарался… — уклончиво ответила она.— Что это значит? — недоумённо спросил Кьеран.— А то, мой дорогой гость, что это я подарил вам с милой Джоанной прелестные метки. Тебе — её имя, ей — твоё. Как она и просила. Правда, забыл упомянуть, что взаимная любовь в комплект не входит. — Винсент расхохотался.Зал взорвался гулом, и только Кьеран на мгновение застыл.— Что. Ты. Сделал? — Он бросился на Винсента, схватил за грудки и прижал к решётке клетки.— Лишь исполнил желание Джоанны, — подняв руки в притворной капитуляции, ответил тот. По телу брюнета пробежала дрожь.— С какой стати она вообще что-то у тебя просила?!— Мы… партнёры, — уронил Винсент. Джоанна стыдливо отвела взгляд.Кьеран резко повернулся к ней, прожигая взглядом, полным отвращения и разочарования.— Это правда?— Да, Кьеран, — тихо ответила она, не поднимая глаз.— Ты мерзкая предательница! — выкрикнула Меланта. Конрад ошарашенно уставился на них.— Почему? — уже спокойнее спросил Кьеран, приближаясь к Джоанне и заглядывая ей в глаза.— Неужели непонятно? — проговорила она. — Я хотела, чтобы боги благословили нас. Хотела, чтобы ты был моим и любил меня.«Он меня любит», — твердила она про себя, цепляясь за эту мысль, как утопающий за соломинку, пока в голове не осталось ничего другого.— Ты звучишь как заезженная пластинка, — пренебрежительно заметил Винсент. — Ах, прости, снова залез к тебе в голову.Голос доносился словно из-под толщи воды. Джоанна не подняла головы, продолжая терзать заусенец на пальце. Кожа вокруг покраснела, местами выступили капельки крови.Кьеран слушал, и кровь закипала от злости. Отвращение, ненависть, разочарование — вот что он испытывал к той, кого ещё вчера считал подругой.— Ты просто идиотка! И ради этого ты заключила сделку с этим ублюдком?! — прорычал он, указывая на Винсента.— С этим «ублюдком» она была готова на куда более серьёзные компромиссы, — ухмыльнулся Винсент, приближаясь.Кьеран бросил немой знак Конраду и Меланте, затем резко отступил к шокированной Иветт.— К чёрту всё! Живо! — выпалил он, подхватил девушку на руки и метнулся к

выходу. Зал наполнил грозный крик Винсента. Меланта и Конрад сорвались следом.— Схватить! Доставить ко мне! Паршивые свиньи Ордена! — ревел лорд.

Кьеран вылетел из зала, неся Иветт на руках, друзья не отставали. Он бежал так быстро, что ноги едва касались земли, и Иветт вцепилась в его шею, чувствуя бешеный стук сердца. «Боже, во что я вляпалась?» — пронеслось у неё в голове. Позади раздавались яростные крики. — Сейчас посажу тебя на лошадь, — тяжело дыша, произнёс он. — Она умница, сама доставит тебя в Штаб Ордена. Главное — держись крепче, прокатишься с ветерком.— А ты? — испуганно спросила она, вглядываясь в его глаза.Он заметил страх, ободряюще сжал её и улыбнулся.— Я найду тебя, где бы ты ни была, обещаю. Не переживай.Они выскочили на сумрачную улицу. Кьеран бережно усадил Иветт на резвую лошадь.— Всё будет хорошо.Он дал знак, и лошадь рванула, оставляя клубы пыли.— А теперь начнётся настоящая бойня! — донеслось до Иветт вместе с удаляющимся голосом Кьерана, в руках которого уже сверкали клинки.

Вскоре поместье скрылось, но до Иветт ещё долетали крики, звон стали и грохот. Лошадь неслась по тускло освещённой дороге, чувствуя опасность. Иветт поняла, что они уже далеко и, кажется, в безопасности. В темноте трудно было что-то разглядеть: высокие деревья, лунный свет едва пробивался сквозь кроны. Где-то вдалеке слышались тревожные звуки, лошадь настороженно прядала ушами. Иветт сильнее сжала поводья. Внезапно воздух рассёк свист стрелы. — Вон она! — раздался крик. — Ловите дрянь!Первая стрела вонзилась лошади в ногу, вторая — следом. Кобыла взревела от боли и сбросила Иветт. Девушка вскрикнула, ударилась головой о землю, в глазах потемнело. Медленно открыв глаза, она увидела, как лошадь, попытавшись убежать, рухнула. Собрав остатки сил, Иветт поднялась и бросилась в лес, надеясь затеряться. Крики солдат приближались.Лунный свет едва сочился сквозь листву, не давая разглядеть тропу. Силы быстро покидали её, ноги наливались болью. Обессилев, она рухнула в сухую траву. Затаив дыхание, прислушалась: топот лошадей смешался с ударами сердца. Она попыталась ползти, опираясь о кору дерева, но боль была адской. Колючие ветви хлестали лицо и руки, оставляя царапины. Внезапно острая боль пронзила бок; споткнувшись о корягу, Иветт снова рухнула. Стиснув зубы, попыталась встать — тщетно.— Где эта девка?! — раздалось сверху. — Что значит «исчезла»? Прочесать весь лес! Доставить хозяину! Приказ!Иветт лежала в густой траве на дне оврага и мысленно благодарила судьбу за то, что её не видно и не слышно. Однако она видела силуэты всадников сквозь деревья. Она коснулась пальцем метки на запястье, где было начертано чужое имя. Солдаты проскакали мимо, но вскоре из-за деревьев донёсся треск веток.— Эй, босс! Тут, кажется, кто-то прячется! Любишь прятки? Мы тоже… — голос становился ближе.Иветт замерла, сердце бешено заколотилось. Попыталась отползти, но запуталась в траве, издав шум. Солдат схватил её за волосы, рывком поднял и приставил нож к горлу. — Хозяин вроде говорил доставить живой… вот только он ничего не сказал о том, что ты должна остаться нетронутой. — Он мерзко оскалился, обнажая гнилые зубы. Иветт затряслось.Вдруг хватка ослабла, раздались булькающие звуки, и алая кровь хлынула на её платье. Из шеи солдата торчал кинжал. Мгновение — и она увидела лицо.«Кьеран?!»Он стоял в нескольких метрах, пронзительный взгляд прикован к ней. Оттолкнув обмякшего солдата, Кьеран бережно подхватил Иветт на руки, словно хрустальную статуэтку. Тотчас из засады выскочили притаившиеся солдаты.Кьеран развернулся, прикрывая девушку. Клинки зазвенели, воздух наполнился металлическим грохотом. Кровь орошала землю, но Кьеран уверенно противостоял нескольким врагам. Его движения были чёткими, взгляд — убийственно холодным. Он играючи парировал атаки, нанося точные удары. Каждый контакт клинков рождал невидимые искры — бой превращался в танец, где он был ведущим. Один из солдат бросился с мечом прямо на Иветт; Кьерана захлестнула ярость, он метнулся наперерез, сбивая нападавшего. Враг тут же поднялся и вновь пошёл в атаку, но Кьеран, словно смерч, не оставлял шансов. Каждое его движение было выверено, без капли жалости.— Эй, братишка, думал, мы позволим тебе одному геройствовать? Чёрта с два! — раздался голос Конрада, и стрелы со свистом полетели в

солдат.— Орите громче, придурки! — Меланта размахивала своими хлыстами.Друзья, словно сыгранная команда, обменялись усмешками. Свистели луки, хлестали хлысты, сталь звенела. Иветт, не отрываясь, наблюдала за Кьераном. Каждое его действие было воплощением точности, грации и неоспоримого превосходства. Казалось, эта схватка — лишь очередная рутина, но на его губах мелькнула мимолётная улыбка.Вскоре солдаты понесли большие потери; уцелевшие в панике бежали. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием.— Фух, давно так не развлекались, а, брателло? — рассмеялся Конрад.— Какое тупое прозвище… — скривилась Меланта, оглядывая павших.— Э! — возмутился Конрад, и ветерок подхватил прядь его волос. — Никто и не говорил, что оно должно быть умным. — Он устало опёрся на дерево.— Ты просто не силён в этом, — парировала Меланта, убирая хлысты.— Ну да. — Конрад повернулся к другу. — Братишка, ну ты и постарался!— Соглашусь с тупицей, — поддакнула Меланта. — Давно не было таких вылазок. Кьеран, ты превзошёл себя.Мужчина лишь слегка усмехнулся и повернулся к Иветт. Она сидела, прислонившись к дереву. Вокруг — ни криков, ни звона стали, только звуки природы.— Как ты? — Кьеран присел рядом, вглядываясь в её лицо. Растрёпанная, платье порвано и испачкано кровью.— Если честно, кошмарно, — виновато проговорила она, потирая запястье с меткой. Кьеран взял её руку и бережно протёр запястье от крови. Иветт заворожённо смотрела: в этом жесте было что-то интимное.— Я совсем не понимаю, что происходит, — призналась она.— Знаю. — Он не выпускал её запястья, осторожно проводя большим пальцем по метке. — Я всё объясню.— Правда? Всему найдётся логическое объяснение?— Разумеется. Да, всё выглядит абсурдно, но ответы есть.Иветт кивнула и обхватила себя руками. Казалось, стоит опустить руки — и она рассыплется.— Уже поздно, пора в Штаб, — прервала тишину Меланта.— Точно. — Кьеран отпустил её запястье и поднялся. — Пойдём.Иветт встала, но сразу захромала — видимо, вывихнула лодыжку. Кьеран это заметил и без слов подхватил девушку на руки. Она тихо пискнула, обвив руками его шею.— Не стоило, — прошептала она.— Тихо, я вижу, что тебе больно. — Кьеран прижал её крепче и зашагал за остальными.— Спасибо… за всё, что ты сделал, учитывая, что мы даже не знакомы.— Теперь знакомы, — мягко ответил он, улыбнувшись. — Это же так просто.

Они шли сквозь ночной лес; единственным источником света была луна. Конрад и Меланта тихо переговаривались впереди.— Пс-с, Меланта, тебе не кажется, что наш друг слишком заинтересовался этой девчонкой? — прошептал Конрад.— Заткнись, идиот, — беззлобно ответила она. — До тебя ещё не дошло?— Что не дошло? Что он хочет её заполучить? Кьеран никогда не интересовался женщинами в романтическом плане. Спал с ними — да, но чувств не испытывал.— Ты хоть иногда думаешь? — она пихнула его в бок. — У них метки душ, и я больше чем уверена, что их связала сама судьба. Это особая связь.— Хочешь сказать, она его родственная душа?— Да, идиот.— Эй, зачем обзываться… — вздохнул Конрад.— Хватит грызть друг другу глотки, — прервал их Кьеран. Иветт невольно улыбнулась.— Ладно-ладно, сдаюсь, — Конрад вскинул руки.— Смотрите-ка, покладистый, — хмыкнула Меланта, легонько толкнув его плечом.— Да заткнись уже! — огрызнулся он, делая вид, что хочет затолкать её в кусты, но та ловко увернулась.— Угомонитесь, — устало бросил Кьеран. — Мы почти у Штаба.

Впереди выросло здание Штаба Ордена Альентара. Острые шпили башен, устремлённые ввысь, поблёскивали в лунном свете, словно сотни отточенных клинков. Со всех сторон цитадель опоясывал густой лес — живая стена, оберегающая тайны Ордена.— Впечатляет, да? — тихо произнёс Кьеран.— Потрясающе… — выдохнула Иветт, зачарованно осматриваясь.— Монументальное и мрачное сооружение, — отозвался Конрад. — Чёрное дерево, алые вставки, башни пронзают небеса, словно сабли. Сразу видно — творение лучших мастеров.— Воплощение силы и непокорности, — добавила Меланта.Они приблизились к огромным резным дверям. Кьеран толкнул створку; с тяжёлым скрипом она отворилась. Просторный зал был залит ярким светом факелов, свисавших на золочёных цепях. Штаб встретил их анфиладами

залов, напоминавших музей: мраморные статуи, картины, драгоценное убранство. Под сводами висели массивные люстры, в хрустальных подвесках которых дробился свет десятков магических светильников. Мягкие ковры делали шаги почти беззвучными. Даже ночью здесь кипела жизнь: кто-то тренировался, доносился стук кузнечного молота, люди оживлённо переговаривались.— Штаб — убежище для тех, кто не вписывается в рамки обычного мира, — пояснила Меланта, стараясь перекричать шум. — Мы разделены на отряды по способностям. Конрад — маг и гениальный оружейник, а я Химера. — В подтверждение она выпустила два хлыста, возникшие прямо из-под кожи.— О боже… — Иветт округлила глаза.Кьеран усмехнулся и медленно опустил девушку на пол, придерживая за талию. Меланта убрала хлысты, и те словно растворились. Иветт огляделась, удивляясь отсутствию стражи возле столь дорогих вещей. Она так увлеклась, представляя размеры библиотеки, что не сразу поняла, почему замедлила шаг. — Есть и новички вроде тебя, — продолжала Меланта. — Все мы одарены особыми силами, уникальными, но в чём-то схожими. Принадлежность к «классу» условна, границы размыты. Кьеран, например, чистокровный маг, но, как ты могла убедиться, отлично владеет оружием.Иветт жадно впитывала информацию, переводя взгляд с Меланты на Кьерана, на Конрада. Хотелось задать миллион вопросов, но усталость брала своё.— Не стоит нагружать её в первый же день, — мягко заметил Кьеран.— Всё в порядке, — возразила Иветт. — Я должна хоть немного узнать о месте, где буду жить, и о людях, с которыми рядом.— Тут много интересного, — кивнул Конрад. — Успеешь изучить.— Сначала — леди Элеанор, — подчеркнула Меланта. — Она глава Ордена, без неё не было бы ничего из того, что ты видишь.— И за пределами этих стен, — добавила Меланта с бесконечным уважением в голосе.

Они прошли по длинным коридорам и лестницам, встречая военных и гражданских. Иветт поняла: это не просто Штаб, а сердце всего Ордена. Вскоре они остановились перед массивной дубовой дверью с искусной чёрной резьбой, похожей на заклинание. Кьеран постучал.— Войдите, — раздался усталый голос. Кьеран бросил короткий взгляд на спутников и открыл дверь.В просторном кабинете восседала Элеанор Джейд, словно солнечный луч, согревающий Сент-Эмерод. Стены украшали старинные гобелены и артефакты. Лунный свет, льющийся сквозь высокие окна, серебрил хрусталь на столе, создавая атмосферу спокойствия и силы. Элеанор подняла брови, ожидая объяснений.— Леди, у нас важные новости, — начал Кьеран; в голосе звучала уверенность, но проскальзывала нотка волнения.Элеанор отвлеклась от бумаг, откинулась на спинку кожаного кресла и устало потёрла висок.— Что привело вас в столь поздний час? Слышала, вы быстро вернулись, значит, справились.— Винсент превзошёл самого себя, — ровно заговорила Меланта. — Он больше не мальчишка, одержимый Хаосом. Он давно переманил Джоанну. В наших рядах была змея.Элеанор нахмурилась.— Она понесёт наказание. Что ещё?— У Винсента и Джоанны была сделка, условия нам известны лишь отчасти. Но он выполнил свою часть: нанёс на неё и Кьерана искусственные метки душ.— Понимаю. — Элеанор задумалась, затем перевела взгляд на Иветт. — И это всё?— Винсент похитил её. Зачем — неясно. Она из другого мира. Он назвал её «тем самым ключом», поставил на себе искусственную метку и хотел принудить её к такой же. Мы спасли её, и демоны Винсента устроили погоню.Элеанор заметно оживилась, внимательно разглядывая Иветт. В её взгляде читались скептицизм, любопытство и лёгкое недоверие.— Значит, девочка из параллельного мира, — тихо проговорила она. — Откуда ты родом?— Из Афин, — с дрожью в голосе ответила Иветт. — Я не знаю, как меня нашёл Винсент. Просто гуляла в безлюдном месте, а потом… очнулась здесь.— Афины. Как интересно. И очутилась в Румынии, да ещё без языкового барьера. — Элеанор усмехнулась, словно это её позабавило. *Ну и забросило же*, — подумала Иветт.Элеанор поднялась и подошла к девушке, осторожно взяла её за запястье. — Ты знаешь, что это?— Н-нет.— Метка душ. Подлинная. Как и у Кьерана, полагаю? — Она бросила быстрый взгляд на брюнета. Тот промолчал, но Верховная и так всё знала. — Я открою тебе одну из завес тайны. Метки — дар богов, один из столпов нашего мира. Легенда гласит,

что пара, чьи души соединены, становится непобедимой силой против Хаоса. Спустя века боги вновь обратили на нас взор.Иветт потрясённо смотрела в пол.— От этого понятнее не становится…— Останешься в Ордене — узнаешь больше.— А если я… откажусь?Элеанор усмехнулась и убрала прядь волос с лица.— Ты действительно считаешь, что у тебя есть выбор? Винсент проявил к тебе такой интерес, что теперь ты никуда не денешься. Единственное, что ты можешь выбрать, — сторону: Орден или Хаос.Земля уходила из-под ног.— Но что мне делать? Я ничего не умею! Это как держать в руках живой огонь, который вот-вот вырвется и сожжёт всё вокруг!— Ты пройдёшь обучение. — Элеанор плавно подошла и бережно положила руку ей на плечо. — Орден существует много веков. Мы обладаем огромными знаниями, ресурсами и опытными наставниками. Мы разовьём твои способности, научим контролировать и направлять их в борьбе с наступающей тьмой.— А если я не справлюсь? Окажусь недостаточно сильной? Сделаю что-то неправильное? — слова вырвались сдавленным шёпотом.— Не бойся, — мягко произнесла Элеанор. — Мы всегда будем рядом, поможем на каждом шагу. Ты не одна. Но придётся много работать, магия требует дисциплины и самоотдачи. — Она вернулась к столу, вновь став величественной. — Твои силы — и дар, и проклятие. Они привлекают внимание тёмных сил, словно маяк. Теперь ты мишень. Будь предельно осторожна и никому не доверяй, кроме проверенных членов Ордена. И, конечно, Кьерана. Он будет твоим главным наставником, твоим щитом.Иветт кивнула, чувствуя, как ответственность давит на плечи.— Что мне теперь делать? С чего начать?— Обучение, разумеется. Но прежде осознай свою природу, узнай о мире, о магии, об истории Ордена. — Элеанор подошла к окну, за которым серебрилось хмурое небо. — Твоя история только начинается. Меланта, проводи Иветт в комнату, ту, что пустует возле ваших. Сначала — в купальню, ей нужно расслабиться.Иветт бросила взгляд на Кьерана. Тот смотрел на неё, и в его взгляде, казалось бы, было безразличие, но когда их глаза встретились, на его губах появилась лёгкая улыбка — безмолвное «Не волнуйся».Когда дверь закрылась, Иветт обратилась к Меланте:— Думаю, я доставила вам массу хлопот.— Ерунда, — отмахнулась та, ведя её по коридору. — Привычный уклад немного нарушила, но ничего страшного.— Сначала мне показалось, что я тебе не понравилась.Меланта улыбнулась.— Я просто осторожна с новыми людьми. — Она открыла дверь в комнату. — Но у меня нет причин относиться к тебе плохо. Ты ни в чём не виновата.

Глава 3. Готов или нет, часы отсчитывают время.

Альентар — параллельный мир, сотканный в начале времён из тёмной и светлой материи, где тонка грань между материальным и метафизическим. Его окружают румынские горы и леса. Вокруг лишь чёрный вереск да отголоски дождя, затерянные в вое ветра.

Кожа Иветт серебрится в тусклом лунном свете. Она обнажена, но холод не властен над ней. Девушка бесцельно движется по гладкой поверхности, обходит острые камни и трещины, углубляясь всё дальше. Её манит смутно знакомый, значимый запах — аромат, несущий тепло иного мира, шёпот леса и сладость весны. В эту ночь сон подобен мороку, череде предрешённых событий, которые не поддаются контролю.

Иветт блуждает по чёрному лесу, где царит тишина. Неясный образ зовёт её — словно зов судьбы. Она идёт, несмотря на чувство потерянности. Шаги звучат приглушённо, будто невидимая сила гасит звуки. Деревья безжизненны, лишены листьев, их корни извиваются над землёй чёрными змеями. Лунный свет едва пробивается сквозь кроны. Кажется, время здесь застыло.

Светловолосая фигура движется сквозь черноту, и вдруг в отдалении вспыхивает голубое сияние. Она ускоряет шаг и выходит к маленькому затерянному пруду. Вода чиста, как стекло, отражает ночное небо. Ни ряби, лишь мерцающий свет в глубине. Кажется, время здесь замерло навсегда.

Приглядевшись, Иветт замечает тени, играющие на дне, и слышит шёпот — забытые, призрачные голоса, оседлавшие пространство между мирами. Она пытается разобрать слова, но они рассыпаются песком. Наклоняется, касается воды кончиками пальцев. Голоса усиливаются, проникают под кожу лёгкой вибрацией. Внутри что-то отзывается, словно колокол. Отражение луны становится ярче, высвечивая путь до самого дна. Иветт медленно погружает ладони в воду; голоса сливаются в единый поток, зовущий за собой. Словно в трансе, она делает первый глоток. Сладкий металлический привкус бьёт по чувствам, заставляя пальцы дрожать. Второй глоток — и грудь наполняет сила, пробуждающая от долгой спячки. Всё вокруг светлеет, звуки пруда заполняют сознание, пронизывают каждую клетку, отражаются в крови.

Она открывает глаза, прогоняя остатки сна.

«Меня зовут Иветт Монтеглем. Ещё вчера я была студенткой медицинского университета, а сегодня — одна из целителей Ордена Альентара с меткой душ на запястье. Иронично… Несколько дней назад мечтала проснуться в другом мире, жить иной жизнью. Теперь мне двадцать два, и я уже никогда не закончу Афинский университет».

Ровно восемь утра. На Иветт платье цвета белых лилий — воздушные рукава, атласная шнуровка на груди. Она никогда не носила ничего подобного, тем более такого открытого. *Кажется, Меланта нарочно меня так наряжает*, — думает она, крутясь перед зеркалом.

— Ну как? — спрашивает Мел, подходя с расчёской и лентой.

— Непривычно. Я всегда предпочитала более практичную одежду.

— Ты что, ханжа? — поддразнивает Меланта, усаживая девушку на пуфик и принимаясь за её волосы.

— Вовсе нет… Просто это привлекает слишком много внимания.

— Ничего плохого во внимании нет. — Меланта заканчивает завязывать атласный бант.

— Наверное…

— Твоя застенчивость всё равно на поверхности, скрывать её под балахоном нет смысла. — Она заканчивает косу.

— Иногда мне кажется, что лучше оставаться в тени, — вздыхает Иветт, глядя на аккуратно заплетённые волосы. — Там безопаснее.

Меланта смеётся, искренне и заразительно.

— Тень — уютный мир, но свет тоже прекрасен. Ты просто ещё не знаешь, как здорово быть в центре внимания.

Иветт смотрит ей в глаза. В Меланте есть уверенность, которой ей так не хватает. В комнате воцаряется дружеская тишина.

— Всё, с тобой покончено, — говорит Меланта, легонько похлопав её по плечу. — Пора спускаться на завтрак.

При мысли о еде у Иветт урчит в животе.

— Точно. Я даже не помню, когда ела в последний раз.

Они выходят в длинный коридор, устланный паркетом. В воздухе витают ароматы кофе и свежей выпечки. В голове Иветт роятся вопросы.

— Меланта, Альентар ведь не существует на карте Румынии? Где он находится?

Меланта усмехается.

— Это параллельный мир. Территориально мы рядом с Брашовом и горным массивом Фэгэраш.

— А люди? Сюда могут попасть обычные? Или тут живут только одарённые?

— Бывает, путник случайно забредает туда, где переплетаются энергетические потоки, и даже не сразу понимает, что пересёк границу. В Альентаре живут не только одарённые. Орден защищает всех, есть целые поселения.

Они подходят к накрытому столу.

— Что произойдёт, если Винсенту удастся захватить Альентар?

Лицо Меланты, обычно весёлое, мрачнеет.

— Если Винсент одержит верх, Альентар падёт во тьму Хаоса. Руины, безумие, вечный мрак… Энергетические узлы, связывающие мир, будут разорваны, и Хаос хлынет наружу, угрожая другим реальностям. — Она понижает голос, словно боясь, что её подслушают.

Иветт бледнеет.

— Эй, Мел, ну зачем ты так пугаешь нашу гостью? Она же сейчас в обморок упадёт! — раздаётся жизнерадостный вопль Конрада, который буквально влетает в столовую, плюхается напротив и с маниакальным аппетитом набрасывается на еду. Щёки раздуваются, как у хомяка.

— Свинтус! — цедит Меланта, брезгливо скривившись.

— Может, я просто тонкий ценитель кулинарных изысков, дорогуша? — бормочет Конрад с набитым ртом.

— Как трогательно, когда изысканность и обжорство для тебя — синонимы, — парирует она.

— Твой язык острее любого клинка, моя прелесть.

Меланта закатывает глаза и с деланным равнодушием принимается за еду. Иветт невольно улыбается.

— А где Кьеран? Он не завтракает с нами?

Конрад мгновенно серьёзнеет.

— Он у Элеанор. Кажется, что-то важное.

В столовой повисает тишина. Меланта и Конрад перестают пикироваться, их взгляды становятся задумчивыми. Иветт теряет аппетит и отодвигает тарелку.

— Ты съела совсем немного, — замечает Меланта.

— Я наелась.

— Неудивительно, — тянет Конрад. — Ты и выглядишь как маленькая птичка — хрупкая и изящная. Но когда начнётся настоящее обучение, понадобится много сил.

— Постараюсь, — улыбается Иветт, ощущая, как нарастает тревога.

— Кстати, сегодня вечером выслеживаем триколича, — небрежно добавляет Меланта, словно речь о походе в булочную.

Иветт изумлённо вскидывает бровь.

— Триколича?

— Именно, — кивает Конрад. — Считалось, что они вымерли в этих краях, но, видимо, кто-то разбудил старые легенды. Теперь нам расхлёбывать.

— Несколько дней назад появились сообщения о странных происшествиях в окрестных деревнях, — поясняет Меланта. — Исчезновения скота, страх у людей — все признаки указывают на него.

Иветт чувствует, как по спине пробегают мурашки. Она слышала о триколичах лишь в мифах.

— Значит, Винсент пробуждает существ из легенд?

— Уже много лет, — устало говорит Конрад. — Времён таких, что тварей тьмы и хаоса до неприличия много. Они расползаются как чума. Если бы не шаткий баланс, который Винсент так упорно старается нарушить, Альентар утонул бы в безумии.

— Он не просто пробуждает, а каким-то образом усиливает их, делает опаснее, непредсказуемее, — добавляет Меланта. — И действует не в одиночку. Его окружают фанатики, готовые на всё.

— Кто такой этот Винсент? — спрашивает Иветт.

— Истинный сосуд первобытного Хаоса, — мрачно произносит Конрад. — Его заветная мечта, одержимость. Отец его был сосудом, но отказался владеть Хаосом. А этот помешан на идее заполучить силу. Боги пока не позволяют ему найти заточённый Хаос.

— Почему именно сосуд? Что это значит?

Конрад вздыхает.

— Представь Хаос как океан невероятной мощи. Сосуд — резервуар, способный сдерживать эту мощь, направлять, использовать. Но ни один сосуд не может вечно удерживать такую силу. Винсент же родился истинным сосудом — он может не просто сдерживать Хаос, а полностью слиться с ним, стать воплощением.

— И что тогда?

— Тогда Альентар обречён. Винсент получит силу, способную изменить мир по своему усмотрению, и его представления о мире далеки от наших.

— Но почему именно он? Что им движет?

— Отказ отца сломал его, — вступает Меланта. — Он рос в тени героя, избранного, того, кто смог противостоять искушению. Винсент всегда чувствовал себя недостойным, ущербным. Заполучив Хаос, он докажет всем, и в первую очередь себе, что он лучше. Отомстит миру за унижения.

— А его нельзя просто убить? — тихо спрашивает Иветт.

Конрад качает головой.

— Хаос невозможно убить — это концепция, стихия, часть мироздания. А истинный сосуд… Ни одно оружие в нашем мире его не берёт. Мы пробовали всё — магию, артефакты, благословлённое оружие. Бесполезно. Возможно, боги могут, но почему-то бездействуют. Может, наблюдают, позволяя нам самим решать судьбу. А может, им просто всё равно.

— Это жестоко, — шепчет Иветт. — Неужели богам всё равно? Где их справедливость?

Конрад пожимает плечами.

— Кто знает, что у них на уме. Может, мы должны сами разобраться. А может, они просто устали от нас.

Меланта фыркает.

— Да плевать им на нас! Боги всегда были безразличны к смертным. Вмешиваются, только когда им выгодно. Не стоит на них рассчитывать.

В столовой вновь повисает тишина. Все понимают: задача почти невыполнима.

***

Солнце клонится к багровому горизонту, заливая опустевшую Брукань — крошечную деревушку, затерянную в бескрайних вересковых полях, — тревожным оранжевым светом. Жители её — простые фермеры и ремесленники, живущие в гармонии с природой и хранящие древние традиции, связанные с духами земли.

Кьеран в пропахшей пылью и порохом кожаной куртке, с привычной настороженностью во взгляде, осматривает заброшенное здание, нависшее над ними мрачным призраком — логово триколича. Иветт, кутаясь в плащ и нервно теребя кончики волос, стоит рядом, силясь унять дрожь. Она только начинает осознавать, насколько опасен этот мир.

— Итак, Иветт, — голос Кьерана резок, как выстрел, и она вздрагивает. — Заброшенный зерновой склад. Теперь здесь излюбленное место триколичей. — Он кивает на разбитое окно. — С виду ничего особенного. Внутри — ловушки, тлен и голод. Они умнее, чем кажутся. Не лезь, куда не просят. Смотри, учись, слушай внимательно.

Иветт торопливо кивает. Кьеран объясняет основы: как двигаться бесшумно, распознавать следы демонов, обращаться с ножом, который он выдал ей утром. Показывает стойки, атаку, защиту.

— Главное — не паникуй, — говорит он, глядя в глаза. — Страх — твой главный враг. Он сковывает, лишает способности действовать. Дыши глубоко, концентрируйся. Смотри в лицо опасности.

Иветт старательно повторяет движения, чувствуя себя неуклюжей. Кьеран терпеливо поправляет её, иногда раздражённо цокая языком, но голос не повышает.

— Помни, — он подходит ближе, понижая голос до шёпота, — твоя жизнь зависит от того, как быстро ты учишься и как быстро мне доверишься.

В его тёмных глазах мелькает что-то нечитаемое. Иветт чувствует, как заливаются краской щёки.

— Ух, заброшенные пыльные здания — моя стихия, — тянет Меланта с сарказмом, оглядывая обшарпанные стены. — Прямо чувствую себя как дома, особенно если учесть, что в моей комнате ни пылинки.

— Да-да, мы заметили, что ты не любишь лазить по развалинам, — хмыкает Конрад. — Но триколичам всё равно, где их выслеживать — хоть в Версале, хоть на помойке.

— Я бы предпочла Версаль. А что, если они разбираются в искусстве? Тогда нам точно туго придётся.

Меланта первой шагает внутрь, демонстративно скривившись.

Воздух спёртый, пропахший затхлостью, плесенью и чем-то отвратительным. Кьеран идёт впереди с обнажённым мечом, сверкающим в тусклом свете. Иветт следует по пятам, сжимая нож, кажущийся бесполезным. Сердце колотится загнанным зверем.

Из тьмы выскакивает крысолюд — помесь человека и крысы: редкая грязная шерсть, игольчатые зубы, горящие красные глаза. Он шипит и бросается на них. Иветт вскрикивает, отшатываясь. Кьеран реагирует мгновенно — меч описывает дугу, и крысолюд падает замертво.

— Не кричи! — рычит он. — Тишина — твоя лучшая защита.

— А крысолюд тут откуда? — Меланта отскакивает от трупа, с её ладоней уже скользят хлысты. — Кто-нибудь говорил, что в логове триколича водятся ещё и крысолюды?

Конрад пожимает плечами:

— Значит, триколич любит компанию. Может, прикормил, чтобы не скучать. Или объедки доедают.

— Фу, Конрад, прекрати! У меня аппетит пропадёт.

Кьеран быстро осматривается. Прямая угроза миновала, но крысолюд был разведчиком. Они где-то рядом. Не проходит и минуты, как из темноты раздаётся шорох и яростное шипе-

ние. В тусклом свете возникают силуэты — крысолюды надвигаются со всех сторон. Их больше, чем ожидали, и глаза горят безумным голодом.

— Ну, зоопарк так зоопарк, — бормочет Меланта, сплетая хлысты. — Посмотрим, кто кого перетанцует.

Битва вспыхивает яростно. Крысолюды атакуют волнами, пытаясь окружить. Кьеран, словно вихрь, вращает мечом, нанося смертельные удары. Меланта уклоняется грациозной кошкой, хлысты хлещут по телам, оставляя глубокие раны. Конрад, как живая стена, сдерживает натиск, обрушивая молот. Но тварей много, и они не дают передышки.

Иветт чувствует себя бесполезной. Она замечает, как один крысолюд пытается обойти Кьерана сзади. Недолго думая, она бросается вперёд и метает нож, целясь в голову монстра. Но умения не хватает — клинок лишь задевает шерсть. Разъярённый крысолюд поворачивается к ней, пригибается и прыгает. Иветт в ужасе закрывается руками, теряет равновесие и падает на груду досок. Кьеран перехватывает тварь в воздухе, ударом меча отбрасывает и добивает.

— Ты в порядке? — в его голосе жёсткость, но в глазах тревога. Он осматривает её руку. Иветт кивает, стиснув зубы, не желая показывать слабость.

В этот миг раздаётся зловещий рык. Из клубов пыли и щепок вываливается триколич, загораживая проход.

— Да уж, вот это сюрприз, — Меланта принимает боевую стойку. — Я всегда знала, что на охоте не бывает скучно. Надеюсь, у тебя есть план, Конрад.

— Есть — убивать ещё больше! — отвечает тот, размахивая молотом. — Всегда работает!

Кьеран закатывает глаза.

— План простой: нападаем разом и надеемся на удачу, — Меланта сверкает глазами. — Кир, ты с нами, как всегда?

— Всегда, — коротко бросает Кьеран. — Но ты прикрывай тылы, Ив. И не лезь, куда не просят. Триколич — не крыса.

Схватка закручивается вихрем стали, силы и магии. Кьеран, опытный танцор, кружит вокруг твари, нанося точные удары. Меланта змеёй опутывает монстра хлыстами, стараясь лишить манёвренности.

— Эй, волосатый, не жарко в шубе? — кричит она, выводя его из себя.

Конрад, могучий дуб, обрушивает молот, целясь сокрушить врага.

— Заткнись, Меланта, просто бей!

Триколич ревёт, его налитые кровью глаза излучают ненависть. Когтистые лапы рвут воздух. Кьеран уворачивается от сокрушительного удара и вонзает меч в бок, но монстр, не чувствуя боли, продолжает атаковать.

— Ив! — кричит Кьеран. — Держись подальше от его рук!

Меланта щёлкает хлыстом, целя в глаз. Удар точен — триколич взрёвывает, его взгляд мутнеет, но слепая ярость лишь усиливает натиск. Конрад, улучив момент, поднимает молот.

— Удар! — рявкает он, обрушивая его вниз. Пол трескается, стены дрожат.

Но именно тогда триколич внезапно хватает Меланту за талию и тянет к себе. Она кричит от боли. В этот миг Иветт ощущает мощный прилив энергии — древняя сила просыпается внутри. Обжигающий жар разливается по венам, перед глазами всё кружится, сердце бешено колотится. Не раздумывая, она выбрасывает вперёд руку, и из ладони вырывается ослепительный поток чистой энергии. Удар поражает триколича в грудь, заставляя отшатнуться. Хватка слабеет, и Меланта выскальзывает, падая на пол.

Воспользовавшись замешательством, Кьеран и Конрад набрасываются с удвоенной яростью. Меланта, быстро поднявшись, вновь сплетает хлысты. Триколич пятится, но выхода нет — он окружён.

Собрав последние силы, монстр издаёт пронзительный крик. Здание трясётся, потолок осыпается, из щелей вырываются клубы чёрного дыма.

— Берегись! Ловушка! Он призывает подкрепление! — кричит Кьеран.

Иветт пытается направить руку на чёрный сгусток, но магия исчезла, словно её выключили. Поток тьмы бросается к ней. В отчаянии она выставляет руки — и в ту же секунду Кьеран рассекает черноту мечом. Та искрит и рассеивается.

— Конрад, займись! — бросает он, выталкивая Иветт из-под удара.

Конрад морщится, отбрасывает молот и скрещивает пальцы. Вокруг его рук загорается голубая аура, собираясь в плотный сгусток. Один за другим он швыряет их в чёрный дым, ловко, словно мячи, пока не уничтожает всё.

— Почему его так сложно убить? — задыхается Меланта.

— Потому что порождение Хаоса, — отвечает Кьеран и заносит серебряный клинок над связанным хлыстами триколичем. — Но он уже ослаблен. Теперь быстро.

Остриё с глухим стуком вонзается в грудь, пронзая сердце. Триколич издаёт предсмертный рык и затихает, распластавшись на грязном полу.

— Ну вот и всё, — бормочет Кьеран, вытирая меч. — Одним мучением меньше. А теперь нужно выбираться, пока это место не рухнуло нам на головы.

Глава 4. Зло таится либо под нашими могилами, либо отравляет все цветы в ее волосах.

Меланта, в своей обычной боевой броне, отражавшей отблески заходящего солнца, сидела на краю сломанной каменной стены, возвышающейся над Ониксом — городом, высеченным прямо в скалах румынских гор. Оникс славился мастерами-каменотёсами и шахтами, где добывали редкие минералы для магических ритуалов. Ветер трепал пряди тёмных волос, развевая их вокруг сурового лица Меланты. Рядом примостился Люсьен, молодой менестрель, которого приставили к отряду посыльным. В его руках подрагивала лютня, а глаза блестели от восхищения и страха.

Они ждали возвращения разведчиков, отправленных на поиски пропавшего каравана. День клонился к закату, и тревога Меланты росла. Она отвечала за безопасность этой дороги, и исчезновение каравана било по её репутации и, что важнее, сигналило о возможной угрозе.

Люсьен, пытаясь разрядить обстановку, неуклюже завёл разговор:— Какая красота! — пролепетал он, указывая на закатное небо. — Никогда не видел ничего подобного… Кроме, разве что, ваших глаз, госпожа Меланта. Они сияют, как…Она обернулась с таким свирепым взглядом, что менестрель съёжился.— Заткнись, Люсьен, лучше сыграй что-нибудь. Хоть какая-то польза от тебя будет.

Люсьен послушно заиграл меланхоличную мелодию, стараясь не встречаться с девушкой глазами. Вскоре вдалеке показались силуэты всадников. Меланта вскочила. Разведчиков было трое — измотанные и потрёпанные.— Плохие новости, госпожа, — доложил командир, спешившись. — Мы нашли караван. Все мертвы. Культисты.Лицо Меланты окаменело.— Где? — В ущелье Чёрного Ворона. Они оставили знаки — символ Чёрного Огня.Она нахмурилась. Культисты Чёрного Огня, поклонявшиеся Винсенту, славились жестокостью.— Соберите всех. Выступаем немедленно.Разведчик кивнул и поспешил выполнять приказ. Меланта обернулась к побледневшему Люсьену:— Ты остаёшься здесь и позаботься, чтобы гонцы сообщили в столицу.— Д-да, госпожа, всё исполню.Она бросила на него короткий взгляд, в котором мелькнуло подобие сочувствия:— И, Люсьен, больше не делай мне комплиментов. Особенно вроде тех, что плёл вчера пьяный трактирщик.

Неподалёку, дожидаясь окончания разговора, стояли Кьеран и Конрад. Они тут же расхохотались.— А что? Этот дурак сказал, что мои бёдра «перекатываются, как волны», — фыркнула Меланта. — Я пригрозила отрезать его льстивый язык если он не заткнётся.— Ага, — подхватил Конрад. — Пришлось вызывать стражу, чтобы успокоить тебя, когда ты разбушевалась.— Лучше бы стражу вызвали для этого идиота. Ладно, идём. У нас важное дело.

***

Ущелье Чёрного Ворона зияло, словно гноящаяся рана, кровоточащая тенью и древним злом. Некогда живописный проход, соединявший равнины с горами, теперь представлял собой узкую извилистую расщелину, будто прорубленную когтем исполинского зверя. Солнце даже в зените едва пробивалось сквозь нависающие скалы, оставляя ущелье в постоянном полумраке; тени обманывали взгляд, заставляя видеть врага за каждым камнем. Ветер, врываясь в проход, завывал, точно стоны заблудших душ. Стены из чёрного, как уголь, базальта вздымались отвесно; эрозия и время вырезали на них причудливые узоры, напоминавшие зловещие лики и когтистые лапы. Кое-где скалы покрывал мох, придавая ущелью ещё более мрачный вид. Дно усыпали острые камни и обломки, передвигаться было крайне трудно. Меж камней сочился тонкий ручей с чёрной, как смоль, водой, источавшей запах серы. По берегам росли скрюченные деревья без листвы, их ветви тянулись к небу, словно костлявые руки, молящие о пощаде. Воздух пропитался тленом и смертью; казалось, сама земля насквозь пропитана злом, и любой,

ступивший сюда, обречён. Не зря это место называли Ущельем Чёрного Ворона — мрачные птицы вечно кружили здесь, предвещая гибель.

Демон истошно завопил и взорвался с мерзким хлюпающим звуком, обдав всё вокруг фонтаном ихора — смеси дёгтя и протухшей крови. Конрад, отплёвываясь от ошмётков, выдернул фамильный кинжал из груди чудовища. Но было поздно: вязкая, как кисель, кровь демона, обладавшая кислотными свойствами, уже разъедала сверкающий граастовый клинок, превращая его в подобие изъеденной ржавчиной железки. Выругавшись так, что покраснели бы даже пираты, Конрад с досадой отбросил оружие — кинжал с тихим плеском упал в грязную лужу. От острия поднимался лёгкий дымок, будто клинок испускал предсмертный вздох. Оружие было жаль — оно передавалось в семье веками, — но главное: демон исчез, отправился обратно в ад. О его визите напоминали лишь зловонные лужи.

— Кир! — Конрад обернулся с гордостью. — Где ты, чёрт побери? Ты видел? Я уложил тварь одним ударом! Прямо как в старые добрые времена! Надо отметить это бочонком эля… Что скажешь?Ответа не последовало. Тишина давила, как трясина, лишь эхо гуляло по улочкам. А он-то был уверен, что верный напарник стоит за спиной. Но кривая улочка, где полумрак обнимал разрушенные дома, оказалась пуста.— Кир! Кьеран Саммерсет! Где ты прячешься?!Эхо разнесло крик по скалам, вспугнув стаи ворон. Издалека донёсся еле слышный голос: «Здесь». Конрад, ругаясь, двинулся на звук. В тёмном проходе между покосившимися складами мерцал бледный огонёк, похожий на болотный, заманивающий путников в трясину.

— Ты слышал меня? — начал Конрад. — Этот демон-маркиз думал достать меня клешнями, но я загнал его в угол и…— Да-да, слышал, — перебил Кьеран, закатывая глаза. — Ты, как всегда, герой дня. А я тут должен волноваться, словно старая дева.Из проулка вышел Кьеран — волосы растрёпаны, лицо в копоти, в руках окровавленный меч, но в глазах горит азарт. — Кьеран! — просиял Конрад. — Рад тебя видеть! Я тут немного задержался, пообщался с местной фауной. Недружелюбные ребята.— Вижу, — оглядел его Кьеран. — Ты как с помойки вылез.— Да ничего особенного, небольшая стычка с парочкой демонов.— И ты их, конечно, уложил одним ударом? — с сарказмом спросил брюнет.— Ну, почти. Ладно, неважно. Кстати, где Иветт и Меланта? Я думал, они с тобой.Бровь Кьерана поползла вверх.— Ты шутишь? Я думал, они помогают тебе с твоим «маркизом».Конрад нервно хохотнул:— Клянусь, это место меня пугает. Все исчезают. Сначала ты, теперь они…Кьеран выругался на отборном эльфийском.— Главное, не нервничай, — попытался успокоить друга Конрад, хлопнув по плечу. — Вдохни глубоко, представь бочку эля и гору колбасок.Кьеран зыркнул злобно:— Не до шуток! Если там Меланта, то не повезло похитителям. Она им устроит цирк, что сами запросят пощады.— Вот именно, — подхватил Конрад. — Меланта в гневе — настоящий демон.

***

Полумрак заброшенной таверны «Спящий Дракон» сочился сыростью и прогорклым маслом. Когда-то шумное заведение теперь служило приютом для крыс и заблудших душ. В центре, за столом, освещённым одинокой свечой, сидели связанные Иветт и Меланта. На их лицах застыло напряжение. Меланта мрачно смотрела на барную стойку, где сиротливо стоял её недопитый эль. Слухи о культистах, похищающих людей, оказались правдой; местные власти закрывали глаза.

— Я не хотела втягивать тебя, Иви, — тихо проговорила Меланта. — Это опасно.Дверь с грохотом распахнулась, и в таверну ввалился здоровенный детина в потрёпанной броне, с огромным топором. Окинув девушек мутным взглядом, он направился к столу.— Простите, что прерываю вашу идиллию, — пробасил он.Девушки переглянулись.— Прощаем, — с напускной любезностью отозвалась Меланта. — Но, честно говоря, мы озадачены. Что вам нужно? Кошельки у нас тощие, драгоценностей не носим.Громила ухмыльнулся, обнажив гнилые зубы:— Я слышал о тебе. Говорят, ты притягиваешь неприятности, как магнит. А уж если с тобой такая красавица…— Неприятности удваиваются? — усмехнулась Меланта. — Развяжи

нас, а то твои дружки так постарались, что всё тело онемело, будто я в ледяной ванне спала. — Не провоцируй, девка! — взревел он, выхватывая ржавый меч и тыча им в лицо Меланте. От оружия разило застарелой кровью.— Какое позорище, — поморщилась она. — Этим даже колбаски на пикнике не нарезать, только комаров отгонять.— Мел, осторожнее, — прошептала Иветт, дёрнув её за рукав. — Он настроен серьёзно.— Послушай подругу! — прорычал главарь. — Отрежу твой поганый язык и выброшу собакам.— Чем? Этим ржавым куском металла? Боюсь, твои собачки подавятся.

— Мне это надоело! — пробасил один из бородатых культистов. — Я пущу твою кровь во имя нашего Лорда!— Кто этот ваш Лорд? — тихо спросила Иветт.— Он дарует нам вечную силу!— Скорее вечную зубную боль, — съязвила Меланта.

Внезапно один из культистов, не выдержав, бросился на Иветт с ржавым мечом. Меланта молниеносно подалась вперёд, используя верёвку как ловушку: меч прошёл точно между ними и рассёк путы.— Хоть у кого-то в вашей шайке хороший меч, — невозмутимо произнесла Меланта, разминая запястья. — Жаль, хозяин идиот. — Она ухмыльнулась и метнула в громилу стул, на котором сидела. Стул с хрустом врезался в лицо, отправив врага в нокаут. Меланта засмеялась и выпустила из рукавов смертоносные хлысты; они зашипели в воздухе, готовые к бою.

— Гадина! — взревел главарь.— Следи за языком, иначе его будут есть собаки, — бросила Иветт, отбиваясь стулом, как заправский боец. — Преимущество явно не у тебя.Завязалась яростная схватка. Хлысты Меланты, словно змеи, хлестали культистов, оставляя глубокие раны. Иветт ловко маневрировала, превратив стул в грозное оружие.— Эй, толстяк! — крикнула Меланта, зацепив хлыстом здоровяка. — Не забудь заплатить за испорченную мебель! Главарь попытался ударить Иветт, но та метнула стул, и он врезался ему в лицо, вырубив из боя.— Ну что, поиграли и хватит? — усмехнулась Меланта.

Главарь поднялся и рванул к выходу, но замер: в свете свечи сверкнула сабля Кьерана, направленная ему меж глаз.— Друзья выручают друг друга, верно? — залепетал громила, стараясь говорить дружелюбно. — Мне нравится, как блестят твои глаза и сабля… Очень хорошая сабля.— Рад, что тебе нравится, — Кьеран приблизился. — А знаешь, что нравится мне?— Боюсь представить.— Можешь не представлять. — Кьеран заехал ему в челюсть; громила рухнул у ног девушек. — Будешь отвечать на вопросы, иначе отрублю твою поганую голову. Сабля острая, хочешь убедиться?— Нет-нет-нет! — заскулил главарь.— Поражаюсь твоей дипломатии, — подал голос Конрад, связывая последнего культиста.

Громила, сидя на сломанном стуле, понуро твердил:— Наш Лорд ищет сестрицу, словно потерянную перчатку. Кровопускания в Карпатах, что мы устраиваем, пробудят её душу и помогут вернуть в этот мир.Меланта картинно поморщилась:— Какие кровопускания? В Карпатах? Это новый тренд в аристократических кругах?— Больное создание, — устало потёр переносицу Кьеран.— А что с его сестрой? — спросила Иветт.— Умерщвлена, — пробубнил культист. — Им самим, сотню лет назад.— Сам убил, сам ищет, — усмехнулась Меланта. — Гениально! Как выстрелить себе в ногу, а потом бегать в поисках пластыря.— Он осознал ошибку, пусть и поздно, — заоправдывался пленник. — И яро убеждён, что сможет пробудить её. Для Лорда нет невыполнимых задач.— А зачем она ему? Соскучился по семейным обедам?— Ну… она сосуд баланса.Все переглянулись.— А вот с этого момента подробнее, — Кьеран наклонился вперёд.— Больше нам неизвестно, — зачастил главарь. — Он убил свою сестру — истинный сосуд баланса между хаосом и порядком. Но баланс, как и хаос, — часть мира, его нельзя убить. Теперь он ищет способ вернуть её. Для каких целей — непонятно. Может, хочет использовать её силу, а может, и вправду раскаялся.Кьеран задумчиво барабанил пальцами по колену.— Сосуд баланса… И что будет, если он её вернёт?— Не знаю. Наверное, ничего хорошего.— «Наверное» — это когда не уверен, какой стороной мазать бутерброд, — вмешалась Меланта. — А тут речь о судьбе мира.— Хватит с него, — поднялась Иветт. — Он

рассказал всё, что знал.Кьеран кивнул, выпрямился.— Что ж, спасибо за информацию. Ты нам очень помог.— Значит, вы меня отпустите? — с надеждой спросил главарь.— Ну, почти. Мы не звери — дадим тебе шанс.Главарь побледнел.— Умереть быстро, — ответил Кьеран и вонзил кинжал ему в сердце.Громила захрипел и обмяк.— Одним фанатиком меньше, — вздохнул Кьеран, вытирая клинок.— Ты всегда такой… прямолинейный? — спросила Меланта.— А что? Мир в опасности, некогда нянчиться с отбросами.— Можно было ещё допросить.— Он сказал главное. Остальное узнаем сами. А теперь — в Карпаты. Похоже, нас ждут большие неприятности.— Надеюсь, там хоть эль хороший, — пробормотала Меланта.

Глава 5. Дьявол в зеркале, он уставился прямо на меня.

Ночь, укутав мир бархатным покровом, опустилась на землю, согревая теплом остывающий день. Сбросив туфли, Джоанна взобралась на мраморный парапет и свесила в бездну босые ноги. Ветер играл с подолом её платья, а тугой корсет сжимал талию, причиняя неудобство. Тяжёлая ткань словно приковывала к земле, не давая взлететь. Пальцы, будто мрамор на мраморе, стиснули холодный парапет с такой силой, что, казалось, ещё немного — и камень раскрошится.

Джо резко вздёрнула плечами и закрыла глаза, пытаясь отвлечься. В сознании снова и снова мелькало лицо Кьерана, но детали ускользали, как песок сквозь пальцы. Она отчаянно пыталась вспомнить цвет его глаз — знала, что они не яркие и не тусклые, а напоминают опавшие осенние листья, что-то тёплое и ускользающее. Это была странная зацикленность, не имевшая ничего общего с любовью.

Внезапно невидимая рука легла ей на затылок и больно сдавила, словно тисками. По спине, обжигая кожу, скатилась ледяная капля страха. Джоанна вздрогнула, опасно качнувшись на парапете, но страх лишь сильнее сдавил шею. И тогда она заговорила, обращаясь к невидимому мучителю:— Тебе так нравится держать меня в заложниках?— Уверен, что это тебе нравится быть моей заложницей, Джоанна, — раздался насмешливый голос позади. Обернувшись, она увидела Винсента, стоявшего в темноте со скрещёнными руками; его губы искривила презрительная ухмылка. Взгляд, словно у хищного зверя, скользнул по её фигуре, задержавшись на оголённых ногах.— Провести со мной ночь, а потом сбежать, как крыса с тонущего корабля — так похоже на тебя, дорогая. Ты неисправима.Джоанна с вызовом подняла подбородок и шагнула ближе, не отводя глаз.— Ты действительно думаешь, что мне нравится спать с тобой? Ты переоцениваешь себя.Он усмехнулся, в его глазах вспыхнули опасные искры. Резким движением он положил руки ей на бёдра, грубо притянув к себе.— Ты возвращаешься ко мне каждый раз, Джо, значит, тебе это нравится. Хватит врать — ты прирождённая лгунья! Ты мерзкая, никому не нужная лгунья, которую никто никогда не любил. Именно поэтому ты готова отдаться любому, лишь бы почувствовать себя хоть немного нужной, — прошипел он, и слова прозвучали пощёчиной. Джоанна отшатнулась, растерянная и задетая. Заметив это, Винсент злобно ухмыльнулся, грубо схватил её за плечи, оттолкнул к стене и навис над ней, как зверь над жертвой.— Мечтала о своём дружке Кьеране, не так ли? Думала о нём, когда была со мной?— Какое тебе дело, о ком я мечтала? — огрызнулась она, пряча волнение.Он сжал ворот её платья, притянув ближе, его искажённое злобой лицо оказалось вплотную к её лицу. — Так, может, вместе разрушим эту связь? Может, отомстим им обоим? Что скажешь, Джо?— Как ты собираешься это сделать?! Ты вообще понимаешь, что говоришь? — взвизгнула она, вырываясь.Винсент грубо схватил её за подбородок, заставляя поднять голову.— Разве не очевидно? Неужели ты до сих пор не поняла, чего я хочу?— Ничего не очевидно! Не неси чушь! — Джоанна с силой оттолкнула его.Ухмылка исчезла с его губ. Схватив её за запястье, он больно сжал, оставляя красные следы.— Прекрати отталкивать меня, Джо, — прорычал он, тряхнув её. — Ты начинаешь меня злить.— Что, неприятно, когда тебя не желают? — огрызнулась она, глядя ему в глаза. — Говори уже, что собираешься делать? Выкладывай карты!Он нахмурился, скрестил руки на груди.— Мне нужна эта целительница любой ценой. А с дружком делай всё, что заблагорассудится. Можешь хоть в борщ его покрошить.Уголки губ Джоанны дёрнулись в нервной улыбке. Запрокинув голову, она разразилась истерическим хохотом. Винсент ошарашенно смотрел на неё, не в силах скрыть недоумения. Безумный смех эхом отражался от каменных стен.— Эта девица снова не в себе, — пробормотал он, наблюдая, как её трясёт от веселья.— Не могу поверить… — сквозь слёзы смеялась Джоанна, словно услышала самую смешную шутку.Потеряв терпение, Винсент грубо встряхнул её за плечо.— Прекрати! Хватит

хохотать, как ненормальная!— Делай с ней всё, что захочешь, Иварт! — выкрикнула она вдруг, назвав его настоящим именем; у него дёрнулся глаз. — Хоть убей, мне плевать! Этой связи между ней и Киром просто не должно существовать!Взбешённый, он схватил её за горло, прижал к холодной стене, сжимая пальцы.— Прекрати беситься и веди себя как подобает даме, чёрт бы тебя побрал! — прорычал он, сдерживая гнев.Джоанна, задыхаясь, снова захохотала и забилась в его руках.— Ты даже не представляешь, как я её ненавижу! Одно её существование выводит меня из себя! Хочу, чтобы она сдохла!Винсент, дрожа от ярости, схватил её за плечи, удерживая.— Прекрати! Хватит! — голос его дрогнул, он встряхнул её. — Ты мне нужна в своём уме!Она пыталась вырваться, но он держал слишком крепко, причиняя боль. — Пообещай мне, что сделаешь это, — немного успокоившись, прошептала она, вцепившись в его рукава. — Пообещай, что разрушишь эту связь любой ценой. Я отдам тебе всё, что захочешь!Иварт пристально посмотрел на неё, его пальцы по-прежнему сжимали плечи. На губах медленно появилась хитрая, зловещая ухмылка. Он резко приблизился, почти прижавшись к ней всем телом.— Всегда знал, что ты мне под стать, Джоанна, — прошептал он на ухо, и по её коже пробежали мурашки. — Я обещаю выполнить твою просьбу.Его губы скользнули к её шее, мягко пробегая по коже обжигающими поцелуями. Руки двинулись к спине, забираясь под одежду, но прикосновения были грубыми; он сжимал тонкую ткань подола, притягивая девушку всё ближе, словно собираясь сломать.

***

Её кровь смешивалась с дурманом и можжевельником, будто каждая капля становилась бальзамом для смертельных ран. Она излучала сотни насыщенных оттенков — не ведала, что значит любить, предпочитая держать сердце за ржавыми решётками, чем отдать его в ненадёжные руки, не способные справиться с ураганом, бушующим в её душе. Её звали ведьмой из Терновой Рощи, и она была подобна змее, что вводит яд, умело смешивая его с терпким зельем из волчьих ягод, чтобы нанести последний, решительный укус — проникающий в сознание и опьяняющий. Плата за мгновения счастья рядом с ней равна вырванной душе — она не ищет простых решений. Она истинный коллекционер, стремящийся заполучить самые редкие экземпляры. В её жизни не было места компромиссам, она вела бесконечные войны с богом и дьяволом, оставляя простор лишь для тоскующих мыслей. Терпкость недоспелой вишни, резкость характера, загадочные мазки, оставленные художником, обретшим вдохновение в настойке горькой полыни. Нигмаруэтт — не весенний бриз, а лавина хаоса в декабрьских холодах и тяжесть серебряных цепей на запястьях. Одним движением глаз она завораживает; чувственность и страсть в её мире сталкиваются, как буря и пламя, горьковатый шлейф чёрного опиума остаётся на твоих запястьях, когда её пальцы скользят по плечу и находят убежище на шее. Жжёная карамель, щепотка соли на искушающих губах — она наслаждается одиночеством, деля постель с холодом.Ритмы и движения, игривый штрих и случайный взгляд — зеркало её вечного обаяния. Она — лёд, способный растаять лишь в руках того, кто оценит её истинную натуру, ведь в её глазах заключено вечное понимание страсти и трагедии, и только самый искусный знаток сумеет разглядеть за тонкой гранью прелесть и боль, сплетённые в бесконечный танец. Нигма знает, как играть на струнах души, её смех — мелодия, сладкая, как неоправданное счастье, и печальная, как осенний дождь. Она соблазняет мир тайными истинами, оставляя за собой следы уверенности и загадок.Здесь, в поместье лорда Хаоса, в этом безмолвном пространстве, она преображается, как утренняя роса, что танцует под первыми лучами солнца. Каждый её шаг — вызов, каждая улыбка — искушение. А когда ночь окутывает землю чёрным покрывалом, Нигма становится самой собой, освобождаясь от оков и искажённых представлений, навязанных обществом.Где-то в глубине её сердца таится тайна, которую не достать. Это как дуновение ветра, навсегда ушедшее, оставив лишь шёпот в ушах и волнующие воспоминания о том, чем она могла бы быть. Она исследует свои пределы, снова и снова сталкиваясь с собственными страхами и страстями, словно это последний танец перед крушением. Мудрость

и безумие, свобода и цепи — каждый день, проведённый с ведьмой, становится удивительным путешествием сквозь её внутренний мир, полный парадоксов и контрастов, обещающих величие и одновременно наполняющих сердце тревогой.

***

Джоанна прекрасно осознавала, что Иварт терпеливо ждёт её, но не могла заставить себя подняться из удобного кресла — словно вросла в него, превратившись в часть старинной мебели. Тяжёлый груз вины за эгоистичное и недостойное поведение по отношению к тем, кто искренне её поддерживал, давил, словно змея, обвивающая позвоночник. Внутри, как в затхлом болоте, нарастала лужа страха и стыда, смешанных с мучительными уколами жалости к себе. Ей совершенно не хотелось, чтобы он увидел её такой слабой.— Джоанна, сколько тебе лет? — внезапно спросил он, и голос прозвучал будто сквозь толщу воды.Она вздрогнула, осознав, что по-прежнему находится в его просторном кабинете в поместье. Время потерялось в круговороте странных событий. Двадцать? Двадцать один? Она растерялась, не сразу найдясь с ответом.— Зачем ты спрашиваешь? Решил напомнить о разнице в возрасте, чтобы я не забывала, кто здесь главный?Иварт тихонько рассмеялся, спокойно и расслабленно, становясь невыносимо привлекательным, и внутри неё что-то дрогнуло — трусливая, застенчивая искра надежды. Она признавала, что всё ещё любит Кьерана, и это чувство, как старый шрам, не исчезнет за несколько дней или лет. Но глупо отрицать, что её тянет и к Иварту, к его тёмным, бездонным глазам, в которых, казалось, можно утонуть.Джо нахмурилась, пряча смущение глубоко, чтобы его острые когти не добрались до него.— Я хотел бы сказать, — продолжал он, облокачиваясь на полированный стол и сцепляя изящные пальцы, — что в твоём возрасте мир способен обрушиться со всей жестокостью. Твоё восприятие слишком острое, ты видишь вещи в более ярком и болезненном свете, а бремя вины, что ты несёшь на хрупких плечах, безмерно тяжело и может сломать тебя.Она подавила тихий стон.— Ты называешь это острым восприятием? То, что ты безжалостно выдавливаешь из души, пока не станет невыносимо больно и не останется пустоты? Мне кажется, проще игнорировать всё, закрыв глаза и заткнув уши, чем осознавать свои ошибки и глупости, совершённые за эти долгие годы. Века.Он пристально рассматривал её, и его пронзительные, как клинок, глаза, казалось, проникали в самую суть. На мгновение ей почудилось, что он расправляет её сломанные кости, возвращая способность дышать.— Я тоже проходил через это, — тихо заметил он. — Если бы эта острая боль осталась со мной навсегда…Он вздрогнул, покачал головой, отгоняя болезненные воспоминания.— Я бы просто не выжил.Джоанна, поражённая его признанием, чувствовала, как тёмные волны прошлого накатывают снова. Боль бывает разной, но в том, что она ощущала сейчас, смутно угадывался путь к возможному возрождению. Они оба находились здесь, словно в западне, и, возможно, смогут найти слабое утешение в этой пугающей тьме.

***

Её бледная кожа, словно истончённый пергамент, казалась почти мертвенно-белой при тусклом свете канделябров. В личных покоях витал густой запах жжёной ткани, мускусный аромат и аромат рассыпанных сушёных трав. Нигма, расположившись за массивным письменным столом, с остервенением вдавливала острое перо в дорогой пергамент, будто пытаясь продырявить его насквозь. Она намеренно не смотрела на Иварта, однако он не мог не заметить, как шёлковый, расшитый золотыми нитями халат небрежно съехал с её хрупкого плеча, открывая белоснежную кожу. Ведьмам не знакомы стыд и скромность; он настойчиво напоминал себе об этом, делая нарочито громкий шаг в её сторону. Нигма лениво повернула голову, и чёрные, как вороново крыло, волосы хлестнули её по лицу, а тонкие аристократичные черты исказились от гримасы раздражения. Она потянулась к хрустальному бокалу с тёмно-красным вином и сделала медленный, тягучий глоток.— Явился, — фыркнула она с явным презрением.Иварт не обратил на колкость внимания, но глаз не сводил — правда, старался смотреть только на лицо, блуждая взглядом по искажённым чертам, избегая опускаться ниже. Попра-

вив спутанные тёмные волосы, он делал вид, что не замечает провокации. Некоторое время он молча наблюдал, не пересекая невидимых границ её личного пространства.— Чтоб ты сдох, — пробормотала она себе под нос, наклоняясь к столу и вдыхая какую-то белую субстанцию с небольшого блюдца. — Чтоб ты сдох, — повторила чуть громче и медленно подняла на него взгляд.Иварт обошёл стол, стараясь встать напротив, но по-прежнему избегал смотреть прямо. Краем глаза он уловил, что под халатом действительно ничего нет. Почувствовав его взгляд, Нигма с раздражением уставилась на него.— Что, решил снова поиграть в кукловода? — съязвила она.Она усмехнулась, сделала ещё глоток вина и, прижав тыльную сторону ладони к губам, словно пряча смущение, наконец проглотила.— Ты посмотри, как ты выглядишь, — тихо произнёс он, не выдержав её взгляда.Нигма нервно и громко рассмеялась, указав на него дрожащим пальцем, но внезапно замолкла, глядя ему в глаза. Иварт кожей ощутил за холодной, надменной маской невыносимую боль — сотни горьких, невысказанных вещей. Она медленно облизала пухлые губы и положила гусиное перо рядом с недописанным письмом.— Что ты пишешь? — требовательно спросил он, когда её тонкие пальцы накрыли листок, спешно пряча написанное. — Это письмо для твоего брата, не так ли? Я же говорил тебе…— Ты говорил мне, — язвительно парировала она, — я всего лишь твоя дорогая игрушка, Иварт. Что ещё тебе от меня нужно, чтобы ты отстал?В её словах звучала неприкрытая горечь — не язвительность и не самодовольное превосходство, а настоящая боль. Она в отчаянии опустила голову на руки, и накрашенные чёрным лаком ногти с силой впились в нежную кожу, словно стремясь заглушить душевные муки физической болью. Он медленно протянул к ней руку.— Отдай мне это письмо, — тихо, но настойчиво потребовал он.Нигма издала короткий нервный смешок. Он почувствовал, как ведьма насмехается над ним. Сначала она с вызовом подняла пронзительный взгляд, затем резко встала и ткнула пальцем в пергамент, рискуя разорвать его острым ногтем.— Ты не можешь просто уйти от этого, — произнёс Иварт, пытаясь поймать её ускользающий взгляд. — Мы должны выяснить всё прямо сейчас.Словно не слыша, она наполнила бокал до краёв — будто собиралась выпить на удачу — и её взгляд остался холодным и настороженным.— А что, если я совсем этого не хочу? — с вызовом спросила она, прекрасно зная, что ответ уже готов.Это было почти детской уловкой. Иварт наклонился, подняв смятый пергамент с пола, а Нигма гордо смотрела на него сверху вниз, даже не потрудившись поправить халат.— В будущем такие вещи ты будешь обсуждать исключительно со мной, — отрезал он. — А если не буду? Что ты тогда сделаешь? — выплюнула она, словно яд.— Это приказ.Она с горечью кивнула, и когда он вновь встретил её взгляд, то невольно отшатнулся: в её глазах было столько неприкрытой боли, которую она причиняла в первую очередь себе. Нигма, выпустив наружу гнев, сломала гусиное перо пополам, бросила его на пол, а затем в ярости сбросила книги и чернильницы, обрызгав всё чернилами. Грохот разбудил перепуганных слуг, и они начали вбегать в покои.— Убирайтесь вон! — пронзительно закричала она. — Я сказала, вон! В её голосе смешались истерия и колоссальная сила. Иварт, окаменев, молча наблюдал, как она вымещает ярость на окружающих, толкая их и дёргая за одежду. Втайне он упивался хаосом. Когда толпа покинула комнату и двери с громким хлопком закрылись, Нигма сжала волосы в кулаках, посмотрела на него с отчаянием и нервно сглотнула. Свет канделябров был тусклым, но даже так он заметил: на её лице нет слёз. Гнева — хоть отбавляй, боли — в избытке, но ни слезинки.— Я так ненавижу тебя, — прошептала она, и этот шёпот громом отозвался в его ушах. Ему захотелось оглохнуть. — Я так ненавижу тебя, бессмертный.— Я знаю, — ответил он с горечью и странным смирением.Она прошла мимо, и он, повинуясь инстинкту, перехватил её ледяные пальцы, резко разворачивая к себе.— У тебя осталось ровно два месяца, — прошипела она почти как обещание. — А потом я найду способ отомстить тебе за всё.— Ты и сейчас уже мстишь, разве нет? — тихо спросил он.На её лице появилась нервная, неестественная улыбка. Она медленно подняла руку, но пальцы застыли в миллиметре от его щеки, словно наткнувшись на невидимую преграду. Она смотрела с таким отвращением, будто любое при-

косновение к нему могло оказаться смертельным.— Пока я мщу только себе, — произнесла она едва слышно и выдернула руку. — А теперь, если ты меня не испытываешь, оставь меня одну. Если не хочешь снова услышать лекции о моём единственном живом родственнике, которого ты у меня отнял.Он почти потянулся к ней — почти поцеловал в манящие губы, почти нежно обнял, почти умолял забыть всё, разлюбить и перестать наказывать себя за чувства. Но в конце концов не сделал ничего. Медленно развернулся на каблуках, бросил печальный взгляд через плечо и безропотно покинул покои. Сегодня, к его удивлению, он оказался не единственным, кто отдаёт приказы. В ней было гораздо больше истинного царственного величия, чем она сама предполагала.

***

— Ты с ней спишь? — тихо спросила Джоанна, нарушая тягостное молчание. Она сидела перед тарелкой с изысканными блюдами, но не притрагивалась к еде, понимая, что её наверняка вывернет от отвращения.Иварт едва не поперхнулся вином, закашлялся и, переведя дыхание, снова принялся за еду как ни в чём не бывало. Он не удостоил Джо ни единым взглядом с самого утра, словно она была невидимкой.— К чему этот вопрос? — лениво произнёс он. — Просто отвечай, — потребовала она.— Конечно, — раздался надменный голос Нигмы, и звук её быстрых шагов чётко отдавался от пола, создавая тревожное эхо. — Ты действительно удивлена, наивная? Он делает то же самое и с тобой. — Она вальяжно уселась за стол, бросив на Джо презрительный взгляд.Мужчина хмыкнул, закатив глаза.— Скоро вы тут устроите драку за титул главной любовницы, — небрежно бросил он, хотя в его глазах сквозила усталость.— Порой мне кажется, что эта ведьма выцарапает мне глаза и добавит их в тот самый отвратительный суп, — заметила Джоанна, стараясь не выглядеть жалкой.Ей безумно хотелось сжаться в комок, забиться в тёмный угол и разрыдаться, вспоминая мучительные чувства омерзения, страха и ужаса. Кроме того, её переполняло желание разорвать Нигму, с её лицемерным высокомерием, на мелкие куски. Джо не могла терпеть её показное превосходство, которое так фальшиво сочеталось с тем, что пряталось под маской. Это была не просто ненависть — это был протест против всего, что Нигма олицетворяла, против зла, что ядовитым плющом расползалось вокруг.Нигма расхохоталась, наслаждаясь её муками.— Твои глаза — настоящий деликатес, лунокрылая, — произнесла она с безумным блеском.Джо скрипнула зубами, ей захотелось схватить ведьму за плечи и несколько раз ударить затылком о стену, чтобы стереть эту надменную улыбку. Но она понимала, что не стоит марать руки. Казалось, она всю жизнь готовилась к этой встрече, но теперь сдерживалась. Несколько месяцев в этом зловещем поместье сделали её нервной и дёрганой — видимо, неизбежное последствие близости к Хаосу.— Если ты будешь меня и дальше бесить, — небрежно проговорила Нигма, даже не повернув головы, — ты просто бесследно исчезнешь.Её взгляд, внешне спокойный, но дикий, как у зверя, вызывал у Джо ощущение хрупкой опасности.— Ты тут ровным счётом ничего не решаешь, — ответила Джоанна свысока, хотя внутри бурлила безысходность.Нигма грациозно поднялась — высокая, болезненно худощавая, смотрела сверху вниз с явным презрением.— О, поверь мне, лунокрылая, я решаю тут абсолютно всё, — прошипела она, и её жутковатая улыбка искрилась безумием.Иварт, откинувшись на спинку кресла, с наслаждением потягивал вино, не вмешиваясь.

Нигма — безупречная, опасная ведьма, к которой, несмотря на все предупреждения, всегда манило, словно мотылька на пламя. Она умела так искусно играть чувствами, что кровь бурлила в венах, сердце бешено забивалось, а внутренние демоны поднимали косматые головы, упираясь рогами в рёбра. Она была неприступной аристократкой до кончиков пальцев: слегка прикусывала внутреннюю сторону щеки, а пухлые губы, окрашенные в насыщенный багровый, непроизвольно сжимала, создавая слегка размазанный контур — это придавало её образу особый, неповторимый шарм. Джоанна же была словно болезненный укол её пронзительного взгляда — проникала под кожу, пробираясь к самому сердцу, но этот взгляд хотелось искать

вновь и вновь. В воздухе витал аромат камелии, смешанный с едва уловимыми весенними нотами. Шёлковые ткани, струящиеся по телу Нигмы, контрастировали с грубоватыми изгибами холодных скульптур. Случайные прикосновения сводили с ума, опьяняя не хуже вина. Она была той, ради которой без колебаний готов нырнуть в омут, в порыве безумия сломать мир голыми руками и осушить флакон с обжигающей жидкой смертью. Каждое мгновение рядом с этими двумя женщинами превращалось в магическое представление, где реальность отступала, уступая место страсти и безумию. Иварт чувствовал, как мир теряет чёткие очертания, а каждое движение искрится дождём страсти.

***

Темница лорда Хаоса, вопреки ожиданиям, напоминала роскошные палаты с вычурными золотыми украшениями, изобилием изысканной еды и оружием. Оружие было повсюду: мечи, кинжалы, топоры, нагинаты — всё блестящее, тёмное, словно поглощавшее свет факелов, бессильно горящих на стенах.У Джоанны когда-то был свой меч, с гордостью названный Убийцей Богов. Она считала его совершенным орудием, пока с ужасом не осознала, что и сама превратилась в безжалостную убийцу, предназначенную для устранения наделённых божественной властью.*«Ты сделана из глины»,* — твердили ей без устали. *«Бендида вдохнула в тебя жизнь»,* — упрямо утверждал Иварт.В этом была доля правды, которую она долго отказывалась признавать. Джоанна, словно податливая глина, формировалась под давлением чужих ожиданий, слепо веря каждому слову, пока однажды, обессилев, не застыла бездушной статуей. Она доверяла покровителям, словно наивный ягнёнок на заклание, покорно принимая каждую порцию концентрированной лжи. Но однажды лживая жизнь превратила её в послушную марионетку, невинную жертву. Она никогда не была охотницей или убийцей богов, как ей внушали, — лишь чем-то промежуточным, искусно созданным с коварной целью. Джоанна всегда была готова умереть за правое дело, но только если оно не замешано на смертельной лжи.Убежав из Сент-Эмерод вместе с Ивартом, она так и не вернулась домой. Каждый раз она верила, что обошла законы, написанные богами. Стоя посреди темницы, она словно слышала его насмешливый смех, сдавливающий грудь.— Это всегда был ты, верно? — слова прозвучали с горечью и злобой. Она ощущала себя разбитой, как дорогая ваза, упавшая с высоты и разлетевшаяся на осколки, которые уже не склеить. Как в тот момент, когда поняла, что не существовало никакого Ордена все эти годы; когда упала к Иварту, осознав, что вся её история была тщательно спланированным спектаклем, служившим чужим интересам.У неё больше не было дома. Она не могла вернуться в Орден.— Ты намеренно заманивал меня сюда долгие годы, — прошептала она, глядя в его насмешливые глаза.Глаза Иварта таинственно блестели, как у хитроумного лиса, готового к прыжку. Возможно, он ослаб, но сохранил хищную хватку.— Это гораздо честнее, чем то, как другие боги обошлись бы с тобой, Джоанна, — мягко произнёс он, оставаясь неподвижным в своём роскошном кресле, словно на троне из костей поверженных врагов. — Выпей со мной, Джо. Твой путь был невероятно сложным. — Он протянул ей драгоценный кубок с вином. Раны на его руках, словно от когтей дикого зверя, казалось, никогда не заживали — вечная гангрена, наказание за ненасытность. Девушка ожидала лишь боли в груди, но внутри разгорался настоящий пожар. Ярость Иварта захлестнула её лёгкие с первым же мучительным вдохом. Или же она просто безмерно устала от роли покорной марионетки, жаждущей свободы, как когда-то запертая в Ордене маленькая девочка, мечтавшая увидеть огромный мир за пределами книжных страниц.— Ты всегда, без исключения, действовала строго по моему сценарию, — произнёс Иварт, смакуя слова, словно изысканное вино. — Но я не стану лицемерить и говорить о высоком предназначении.Джо обессиленно опустилась перед ним на колени, не ощущая кончиков пальцев. Она с такой силой сжимала инкрустированный кубок, что металл начал гнуться, а вино расплёскивалось по мраморному полу. Она этого даже не замечала.— Чего ты хочешь от меня в этот раз? — тихо, но твёрдо спросила она.Он наклонился, почти касаясь её лица, едва заметно проводя кончиками пальцев по холодным скулам.

Она почувствовала, как старые нити, словно ржавые цепи, вновь натягиваются, готовясь затянуть её. Но кто тянет за них? Безжалостные боги или тот, кому она теперь служит?— Я никогда, ни с кем, не желал делить своё безграничное могущество, — произнёс он, и слова змеиным шёпотом окутали её, заставляя кровь стыть в жилах. — Я желаю ровно того же, что и ты, Джоанна. Дай нам свободу.

***

Иварт, вопреки расхожему мнению, не был олицетворением всепоглощающего хаоса. Он оставался самодовольным, избалованным мальчишкой, с маниакальной настойчивостью пытавшимся открыть ящик Пандоры, поглотить первобытный хаос, который, как он верил, принадлежал ему по праву рождения. Ради этой цели он был готов на всё, даже хладнокровно погубить свою родную сестру Ивэлль, не испытывая угрызений совести. Он до сих пор отчётливо помнил тот роковой день, когда родители, разочаровавшись в нём, отвернулись: для них семья всегда была важнее власти. Но он, одержимый, оставался лишь наивным, эгоистичным мальчишкой, и эта пагубная страсть отравила его изнутри, сделав чудовищем.Лёжа в тепле роскошной постели, Иварт чувствовал, как нежно сопит рядом Нигма, словно тихий ангел. Он снова размышлял о сестре. Их знатный род из поколения в поколение верно служил хаосу, и предков вполне устраивала их скромная, но важная роль. Но Ивэлль всегда выделялась, была соткана из лунного света. Он никак не мог понять, почему она настолько не похожа на него и родителей, а те категорически отказывались отвечать. Лишь много позже он осознал: его милая сестра была истинным олицетворением баланса, таинственным ключом к первозданному хаосу, который манил его с невероятной силой.«Ты пойдёшь за мной, Ивэлль? Стань моей верной союзницей, и мы вместе завоюем мир», — восклицал он.«Нет, мой дорогой брат. Мне не нужен мир, поглощённый хаосом и разрушением. Для вселенной необходим хрупкий баланс», — спокойно отвечала она.Он вспомнил, как отчаянно кричала сестра, а он, словно садист, с наслаждением внимал её мукам, как вампир забирал её животворящую силу, стремясь приблизиться к цели. Любил ли он её по-настоящему? «Я, конечно, любил её. Но, отец, она сама не захотела разделить со мной власть», — твердил он как мантру, оправдывая себя.В отравленном сознании снова и снова звучали слова матери: «Ты хуже всех чудовищ, которых я когда-либо знала!» Этот горький упрёк тяжёлым грузом давил на него. Он был законченным изгнанником, никому не нужным и брошенным, поскольку всё ещё одержимо искал высшие силы, забыв о семье, которая когда-то была важнее всего.

***

— Почему ты так на ней помешан? — Нигма, словно разъярённый шторм, металась по залу перед Ивартом. — Ты повёл себя как одержимый, прямо как Кьеран!Она сжала кулаки, зажмурилась, стараясь успокоиться.— Мне просто необходимо вернуть свою сестру, — ровно, без эмоций произнёс Иварт.— Её больше нет, чёрт тебя дери! — в отчаянии закричала она. — Ты же сам её безжалостно убил, разве ты забыл, идиот?— Я убил её сотни лет назад, но она, вопреки всему, вернулась! — рявкнул он. — Только с её помощью я смогу добраться до первобытного хаоса, Нигма, ты должна понять. Посмотри, — он резко засучил рукав дорогой рубашки, под которым плоть разъедала жуткая коррозия, превращая кожу в гниющую труху. — Моё тело разваливается на части, мне отчаянно нужен хаос, иначе…— Иначе ты просто сдохнешь, — выплюнула она совершенно спокойно, даже не взглянув. — Возможно, так будет лучше для всех. Ты самый настоящий безумец, Иварт. Самый безумный из всех сосудов хаоса.Его лицо исказила злобная гримаса. Он вскочил с трона, быстрым шагом подскочил к Нигме, грубо схватил её за шею и с силой припечатал головой к холодному полу.— Ты мерзкая тварь, Нигма, — прорычал он, задыхаясь от ярости. — Ты никому не нужная, презренная ведьма, которую я пригрел из жалости.— Как и ты сам, — прошептала она, находясь в сантиметре от его искажённых губ.Он резко выпустил её, отвернулся, словно испытывая отвращение к себе, и поправил кольца на тонких пальцах.— Я всё равно доберусь до неё, чего бы мне это ни стоило.

Клянусь, даже если придётся снова её убить, чтобы достичь цели. Я доберусь до хаоса, и ты поможешь мне.— Ты хоть понимаешь, где его следует искать, безумец? — прошипела Нигма, поднимаясь с пола.— Узнаешь позже, — туманно ответил он.

***

Она должна чувствовать отвращение. Яростной злобы, терзавшей её всё изгнание, для Иварта недостаточно — он привык. Выросший в презрении, он даже не заметит её ненависти, лишь усмехнётся. В отличие от неё, Нигмы, которую он видит насквозь, безжалостно разрезая актёрскую маску, как перезрелый фрукт, чья тонкая кожура лопается от лёгкого прикосновения. Как тот острый нож, которым она угрожала перерезать глотку ненавистному принцу. Когда-то ненавистному? Или по-прежнему? Нигма и сама не знала ответа. Впервые за долгое время она дышала полной грудью свежим воздухом свободы, оказавшись в Тёмных Топях. Почувствовал ли эту перемену Иварт? Где тот робкий, испуганный трусливый мальчишка, которым он когда-то был? Ответ обжигал. Он остался на самом дне, вместе с её страданиями. Её не было рядом всего месяц, а Иварт всё ещё не освободился от оцепенения, вызванного её властью над ним.— Ты получала мои письма, Нигма? — небрежно спросил он с насмешливыми нотками. Конечно, он, как всегда, издевался, играя с её чувствами. И острое лезвие стали, спрятанное в рукаве, вдруг перестало казаться такой уж плохой идеей. Она в ярости пыталась убить одного высокопоставленного принца, так почему бы не отыграться теперь на этом самодовольном короле?— Ты смеёшься надо мной, Иварт? — прошептала она, и в голосе проступила неприкрытая боль. Весь образ холодной, неприступной девицы мгновенно спал. Сколько бы Нигма ни умела лгать, она никогда не сыграет столь правдоподобно, как лицемерный Иварт. И, конечно, он смеялся в ответ. Развалившись на роскошном диване, полный сознания безнаказанности и бессмертия, он был истинным королём Хаоса.— Конечно, моя дорогая Нигма, моё милое, но надоедливое наказание, — произнёс он резче, и смех застрял у него в горле. Он помрачнел, с трудом поднялся, и в его взгляде вспыхнула злоба. — Конечно, я усердно отправлял письма в твой нелепый, проклятый смертный мир исключительно для того, чтобы сейчас посмеяться над тобой.Иварт резко вскинул брови; его напускная беззаботность и контроль над эмоциями нелепо противоречили напряжённому голосу и язвительным словам, как визг косы о камень. Он сжал челюсть, сдерживая гнев. — По всей видимости, смеяться в этой ситуации должна ты, — выплюнул он.За ядом и маской иронии вдруг открылось нечто большее. Нигме отчаянно захотелось сорвать эту маску с его красивого лица, обнажив истинную сущность.— И что же ты мне так усердно писал всё это время? — небрежно спросила она, возвращая ему притворную сладость. В голове шумело море, и вновь давила океанская глубина, под которой она когда-то едва не погибла.Иварт стремительно приблизился — безрассудно и необдуманно. Его верная сенешаль, Нигма Дуате, его теневой помощник и бывший и будущий кукловод, чьи нити так опрометчиво разорвались, может без колебаний вонзить ему нож в бок, оборвав бессмертную жизнь.— Ты ведь совершенно не догадываешься, правда? — тихо спросил он, и его тонкие пальцы нежно коснулись сжатого до побелевших костяшек кулака Нигмы. Он навис над ней, вызывая приступ бешенства своим превосходством в росте.Но на долю секунды в глубине его чёрных глаз она заметила внезапную уязвимость, способную ранить, словно двустороннее лезвие, и тут же отпрянула. Неужели тоска? Её сердце болезненно сжалось.— Я за долгое молчание проклинал тебя, Нигма, — тихо произнёс Иварт, нежно касаясь её щеки и внезапно закрывая глаза, будто ему было больно смотреть на неё. Словно он не мог отвести взгляда, заворожённый её красотой. Лезвие стали жгло кожу под широким рукавом. Снаружи раздался громкий шум, и в какофонии послышались отчаянные крики, тонущие в лязге металла.— Я ждал, когда ты вернёшься домой, Нигма, я отчаянно ждал этого… — выдохнул Иварт, открывая глаза, и она вдруг осознала, что заворожённо перестала дышать.Иварт обратил взор к распахнутым дверям. На его губах появилась знакомая хищная усмешка, предвещающая беду. — Думаю, теперь, моя дорогая, ты просто обязана меня убить, — с вызовом произнёс он.—

Договори уже! — резко выкрикнула она, и в ушах возник вакуум.— Что договорить, Нигма? — удивлённо вскинул брови Иварт.— Договори, что ты хотел сказать, и всё! — в отчаянии прошептала она.— Хорошо, — коротко ответил он, словно подчиняясь её воле.Ей словно распороло кожу, когда он поднял руку и погладил её по щеке. Её лихорадило яростью, беспомощностью, лютым бешенством и непониманием, когда Иварт склонился и прошептал на ухо:— Я ждал, когда ты вернёшься ко мне.

Глава 6. Я буду вести катафалк, пока не паду и не выдохнусь

Альентар. Сент-Эмерод, октябрь, 1998 год.

Пожелтевшие листья тихо шуршали, опадая на влажную землю и создавая вокруг старого дерева осенний ковёр из багряных и золотых нитей. Пронизывающие порывы ветра тревожно завывали в заброшенном лесочке, напоминая перепуганным животным о скорой зиме. Тонкие голые ветви подрагивали, будто чувствуя присутствие людей. Иветт неспешно прогуливалась по тихой поляне, увлечённо собирая гербарий из разноцветных листьев.

Следом шагал Кьеран, с улыбкой наблюдая за ней. Его тёмные растрёпанные волосы были усыпаны мелкой корой и листвой. Заметив его взгляд, Иветт заливисто рассмеялась, и яркий букет в её руках дрогнул.— Я бы сейчас с удовольствием зарезал пару мерзких монстров для быстрого разогрева, а то становится слишком холодно, — проворчал он, подходя ближе. Его тёмная одежда покрылась пылью и паутиной, и девушка усмехнулась, оценив небрежный вид. — Кир, — она помогла ему отряхнуться, — в тебе снова заговорил воин, уставший от безделья. Спасибо, что согласился потренировать меня. Если твоё соглашение ещё в силе.Он прищурился с едва заметной улыбкой.— Как я могу отказаться от такого заманчивого предложения? — подмигнул он. — Но ты ещё не раз пожалеешь, когда я начну показывать свои бесценные навыки.Иветт остановилась, заинтригованная.— Хочешь проверить? — она обвела рукой вокруг листьев. — Поверь, я смогу удивить тебя, даже если у меня нет твоего огромного меча, — добавила она кокетливо.

Тонкий луч лунного света пробивался сквозь густую листву, освещая лица таинственным сиянием. Внезапно ночной лес наполнился тихими звуками — далёким треском веток, и Кьеран мгновенно напрягся. Его самоирония исчезла. Он взглянул на Иветт серьёзно и озабоченно.— Ты слышала?Сердце девушки забилось быстрее, и она испуганно кивнула.Лес замер, сливаясь с тьмой. Шорох листьев смешался с громким треском. Кьеран шагнул назад, заслоняя Иветт. Он уже потянулся к мечу, но что-то удержало его. Мертвенно-бледный свет луны бесстрастно скользил по верхушкам, длинные тени тревожно плыли в медленном танце. Иветт затаила дыхание и прикрыла глаза, чтобы лучше расслышать.— Это карпатский леший? — прошептала она, сжимая рукав его одежды.Он покачал головой, не отрывая взгляда от деревьев:— Нет, слишком высокие звуки. Леший издаёт низкие, утробные, как хрип.Шелест усилился, треск стал отчётливее. По спине Иветт пробежал холодок, она зажмурилась, прильнув к его спине. Кьеран легонько сжал её руку. Шорох приближался, треск перерастал в оглушительный хруст. Лес словно оживал под луной, наполняясь пугающими тенями. Кьеран напрягся всем телом, а её сердце колотилось так, что, казалось, выпрыгнет из груди. Он прикусил губу, сжимая рукоять меча. Шорох достиг их, треск раздавался прямо над головами. Кьеран резко развернулся, взмахнув мечом, словно разгоняя тьму. Но лес ответил зловещим молчанием. Звуки стихли, будто по команде. Незваный гость растворился в ночи. Кьеран медленно опустил меч и повернулся к Иветт.— Ты в порядке, Ив? — тихо спросил он.Она нервно кивнула, всё ещё сжимая его рукав.— Да…Он устало протёр лицо.— Наверное, просто сильный порыв ветра.— А может, всё же карпатский леший? — с натянутой улыбкой спросила Иветт.Он усмехнулся.— Или Балаур, что случайно заблудился здесь.Иветт тихо хихикнула, прикрыв рот ладонью.— Или пажура, решившая полакомиться нами на ночь глядя.Кьеран засмеялся, откинув голову.— Или огромный тролль, что живёт под ближайшей горой. Ты слишком много читаешь легенд, Ив.— А ты, наоборот, слишком мало, — улыбнулась она, чуть не споткнувшись о корень. Кьеран вовремя поймал её за локоть.— Я верю только в то, что вижу своими глазами, — сказал он, помогая удержать равновесие.— Это я знаю, — ответила она с

благодарной улыбкой, поправляя волосы.Он не отпускал её локоть, его тёмные глаза загадочно блеснули в лунном свете, а на губах задержалась нежная улыбка.— Ты же знаешь, я никогда не позволю, чтобы с тобой что-нибудь случилось, Ив, верно?Сердце Иветт затрепетало, и она кивнула.

Он выпрямился.— Повернись ко мне спиной.Иветт послушно повернулась. Кьеран мягко положил ладони на её хрупкие плечи, помогая занять устойчивое положение. Кончиками пальцев он едва провёл по спине, затем вложил в её ладонь один из клинков. Приблизился, прижавшись грудью к спине, и наклонился к уху.— Теперь просто повторяй все мои движения.Она сглотнула, сжала клинок. Кьеран продемонстрировал правильный хват.— Почувствуй его вес, убедись, что он — продолжение твоей руки.Стараясь отогнать лишние мысли, Иветт сосредоточилась на каждом движении, чувствуя холодный клинок частью себя. Он слегка сжимал её плечо, корректируя стойку.— Теперь попробуй атаковать, — прошептал он.Иветт переместила центр тяжести, делая шаг к воображаемому противнику.— Выгибай локоть сильнее, это увеличит скорость и точность.Она плавно выгнула локти. Кьеран следил за её запястьями, мягко их направляя.— Теперь несколько простых ударов. Важна не только техника, Ив, но и вера в себя. Ты должна верить, даже когда ситуация кажется безвыходной.Она глубоко вздохнула и повторила его отработанные движения. Он подправлял её, делясь советами.— Отлично. Теперь представь, что противник нападает. Что будешь делать?Иветт задумалась, чувствуя, как наполняется адреналином.— Уклонюсь в сторону и нанесу контрудар.— Хорошо. Покажи на практике. Представь, что я противник.Напряжение в ночном воздухе возросло. Кьеран стремительно приблизился, его движения были уверенны и опасны. Иветт мысленно повторяла: «Уклониться, контрудар». Когда его рука рассекла воздух, она шагнула вправо, избегая удара.— Отлично, — остановился он. Затем бесшумно зашёл сзади, едва касаясь её бедра, и прошептал на ухо: — Теперь атакуй меня.Колебалась лишь мгновение, ощущая близость его тела, но взяла себя в руки. Оттолкнувшись, резко развернулась и нанесла боковой удар. Кьеран легко блокировал, сделав шаг назад.— Неплохо. А теперь быстрее.Иветт повторила атаку, увеличивая темп. Кьеран кивнул, следя за её возросшей уверенностью, и снова блокировал.— Отлично! Но помни, врагов может быть несколько. Всегда учитывай окружение, каждый шорох.Иветт кивнула, разворачиваясь и оглядывая пространство. Кьеран переместился, заняв новую позицию.— Представь, что на тебя нападают трое: слева, справа и сзади. Что предпримешь?Она закрыла глаза, визуализируя. Медленно выдохнула.— Это невероятно сложно, Кир…

Из темноты донёсся приглушённый шорох, затем низкое утробное рычание. Сердце Иветт забилось ещё быстрее. Она распахнула глаза. Слева из кустов показался зловещий силуэт — гигантское, покрытое свалявшейся шерстью существо с горящими, как угли, глазами. Справа в тенях шевелилось что-то неизвестное, а позади, среди старых стволов, раздался низкий звук, словно стон земли. Парализованная страхом, Иветт застыла.— Кир… — прошептала она, оглядываясь, но он стоял поодаль, будто не замечая. В тот же миг со всех сторон на неё выскочили чудовища, и она в ужасе зажмурилась. Тьма сомкнулась, оставляя лишь инстинкт: бежать или сражаться.

Кьеран молниеносно развернулся, увидев монстров, и уже через миг оказался рядом. Он прижал её к себе, взгляд сверкнул праведной злостью. Крепко обхватив её талию, он прикрыл от падения, но всё внимание обратил на врагов.— Беги. Беги сейчас же и не оглядывайся, — хрипло скомандовал он.— Нет! Я не оставлю тебя одного.Чудовища, почуяв страх, остановились, рыча. Лохматый зверь слева оскалился, и из его пасти с отвратительным свистом вырвалось облако зловонного, горячего дыхания, пропитанное запахом гнили. Кьеран медленно сжал рукоять меча.— Упрямая ты, Иветт, — выдохнул он с восхищением.

Один из монстров с низким рыком бросился на Кьерана с огромной скоростью. В последний миг он увернулся, отскочив и разворачивая клинок. Меч рассек воздух, но зверь оказался

быстр и ушёл от атаки. В тот же момент из тени выскочило второе чудище с острыми, как бритва, когтями. Кьеран рванул в атаку, разрываясь между двумя врагами. Клинок против когтей взвизгнул металлическим звоном. Мужчина поморщился от вибрации, но не отступил. Одно из существ злобно оскалилось, сверкнув зубами, двигаясь почти слитно с тенями, оставляя запах влажной земли. Кьеран понял: это смертельный поединок. Он высоко отпрыгнул, уходя от когтей, и попытался поразить зверя в грудь, крепче сжимая рукоять старинного серебряного меча. Затем он ловко откатился, позволив монстру сделать выпад, и внезапно ринулся в атаку сбоку, вложив всю силу в удар. Но меч не достиг цели: когтистая лапа метнулась к его плечу, оставив глубокую рану. Кьеран зашипел от боли, кровь залила одежду, но он не ослабил хватки.

Разъярённый зверь снова бросился в атаку. Иветт кинулась на помощь, но другой монстр перерезал путь, и ей пришлось отступить. Зацепившись за корень, она упала. Чудовище прыгнуло сверху. Иветт в отчаянии вцепилась пальцами в холодную землю. Огромный зверь приблизился, его морда исказилась насмешливой ухмылкой, обнажив острые зубы. Сердце бешено колотилось в клетке. Она попыталась отползти, но боялась спровоцировать бросок. Когти блеснули в полумраке, глаза горели алым в свете луны.

Кьеран, увидев опасность, ощутил, как ярость затмила разум. Отбив атаку второго монстра, он бросился к Иветт, с размаху пронзив напавшего зверя мечом. Тот взревел, дёрнулся, но стальная рука не позволила уйти. Чёрная зловонная кровь фонтаном окатила девушку. Кьеран грубо потянул её вверх с земли. Второй вырколак, разъярённый гибелью сородича, с утробным рёвом ринулся на них. Клинок отразил лунный свет. Монстр приближался, глаза горели ненавистью. Кьеран шагнул вперёд, сжимая меч, и мощным ударом пронзил врага. Тот рухнул, оставив запах гари.

Иветт, дрожа, вжималась в спину защитника. Позади раздался хруст и новый рык — третий монстр оказался крупнее и опаснее. Он прыгнул. Кьеран оттолкнул девушку, сам отскочил, и зверь закружился, вспарывая когтями воздух. Мужчина уклонялся, несмотря на кровоточащую рану. В лунном свете он разглядел вырколака — сомнений не осталось. Монстр, не теряя равновесия, снова напал, щёлкнув зубами у самой груди. Кьеран отскочил, трижды меняя направление, сбивая с толку, и ударил рукоятью по голове. Но вырколак лишь повернул голову, выпучил глаза и зарычал. Челюсти щёлкнули в воздухе, едва не задев плечо. Кьеран усмехнулся, выставив вперёд серебряный меч.

Монстр не спешил, приближаясь медленно, оскалив клыки и пуская слюну. Кьеран отступал, двигаясь полукругом, меняя темп, чтобы отвлечь. Вырколак издал низкий угрожающий звук. Когда он прыгнул, меч просвистел, разрезав кожу на передней лапе. Монстр упал, извиваясь и рыча от боли, причинённой серебром. Кьеран крутанул меч и шагнул вперёд, готовый добить. Вырколак, ослеплённый яростью, с воем бросился в атаку. Кьеран прыгнул в сторону, и зверь врезался в ствол, оттолкнулся и прыгнул с невероятной силой.

Иветт вскрикнула, понимая, что монстр разорвёт Кьерана. Она зажмурилась, но тут же выбросила вперёд руку. На тыльной стороне ладони проявился витиеватый золотой узор, и ладонь засияла, отгоняя мрак. Перед вырколаком возникла полупрозрачная стена; столкнувшись с ней, он отскочил. Щит ярко вспыхнул и исчез. Кьеран, ошеломлённый, обернулся. Рана на его плече всё ещё кровоточила. Вырколак, обезумев, заметался, пытаясь обойти барьер. Кьеран, подняв меч, описал остриём двойной полукруг и шагнул к монстру. Тот съёжился, пятясь. Глаза Кьерана горели зловещим огнём, из стиснутых зубов вырвался хриплый рёв. Сильным ударом в бок он повалил вырколака на землю. Серебряный меч блеснул в последний раз и пронзил грудь. Рев существа был самым громким, затем тонкий вибрирующий вой — и оно затихло. Кьеран, не обращая внимания на кровь на лице, перевёл взгляд на Иветт. Он тяжело дышал, пошатываясь, но устоял.

Ноги Иветт словно налились свинцом, но она заставила себя броситься к нему. Кьеран, несмотря на слабость, крепко обнял её, не замечая ни крови, ни пота. Он провёл дрожащей рукой по её спине, но вдруг пошатнулся и опёрся о ствол дерева, чтобы не упасть. Усмехнувшись, он в последний раз взглянул на поверженного монстра и прижал Иветт к себе.— Что ж, неплохая получилась тренировка, — с натянутой усмешкой произнёс он.— Отрадно слышать, что твоё чувство юмора не пострадало, — ответила Ив, всё ещё дрожа, но вдыхая его знакомый запах. Леденящий страх медленно отступал.

Альентар. Долина Брукань, Март, 1991 год.

Сумерки и надвигающаяся гроза усугубляли усталость. Даже новые дома вдоль дороги казались старыми и враждебными, под стать древнему, изъеденному непогодой особняку на опушке. Мысль о тёплом доме за закрытыми ставнями была невероятно притягательной, когда Нигма неохотно слезла с лошади.

Контраст с недавним теплом городских улиц поражал. Едва согрев руки, она с трудом зажгла магический огонёк и, понимая его бесполезность, двинулась к мрачному особняку. На мгновение он предстал в былом великолепии: окружённый цветами, родовое гнездо, утопающее в зелени. Но видение тотчас исчезло, оставив лишь обгоревшие стены и тяжёлое предчувствие. Вокруг пульсировала магия. Она остановилась у выжженной полосы и, присев, направила огонь по тропинке. Заклятие сработало мгновенно, очертив вокруг неё защитный круг.

Усталость навалилась с новой силой. После долгого дня поисков древней провидицы бороться с ещё одним заклинанием было невыносимо. Попытки узнать прошлое этого места не принесли плодов: здесь явно не ждали ведьм с распростёртыми объятиями.

Её обучение магии было неполным, оборванным на самом интересном месте. Найдя кинжал с рунами, она направила огонь вдоль тропинки, разомкнула круг и, поразившись лёгкости, с которой уступило заклятие, оглянулась. Показалось, что из леса кто-то смотрит, но это могли быть лишь тени. Не теряя времени, она шагнула в круг, и он тут же сомкнулся за ней, стирая следы присутствия. Нервозность сдавила горло. Нигма сделала несколько шагов к крыльцу, и каждая клетка тела кричала о неправильности происходящего. Ступени, хоть и выглядели так, словно рассыплются в пыль, предательски молчали. Кинжал в руке — единственное, что связывало с реальностью. Она толкнула дверь, ощущая на коже холодное дыхание неизвестности. Вместо нападения — гнетущая тишина, разрываемая гулким эхом шагов, будто особняк насмехался над тревогой.

Она снова зажгла огонёк, и его слабый свет, качаясь, точно на невидимых волнах, лишь подчёркивал окружающую тьму. Он отчаянно боролся, но тьма побеждала, пожирая пространство. К тому моменту, как она обошла каждую комнату этого проклятого дома, ночь сомкнула свои объятия. Ни следа провидицы, ни признаков жизни, только ощущение чужого присутствия, пронизывающее до костей.

«Ну, вот и всё», — подумала Нигма, чувствуя, как поднимается волна отчаяния.

И словно в ответ на её мысли, дом ожил. Всё вокруг пришло в движение, зловещее и неестественное. Она отступала к двери, не в силах оторвать взгляд от чёрной дыры, разверзшейся в глубине особняка. «Бабкины сказки…» Нет, не сказки. Это древнее зло, вырвавшееся на свободу.

Чернота пожирала внутренности дома с нечеловеческой жадностью. Её очередь, очевидно, должна была быть следующей. Огонёк испуганно потух, и тьма поползла к Нигме. Не думая, она развернулась и побежала прочь, не оглядываясь. Страх гнал вперёд, не оставляя сил на анализ. Нога зацепилась за коварный сук, и она рухнула на землю, потеряв кинжал. Лёжа на спине, Нигма наблюдала, как дом исчезает в пасти прожорливой черноты. С треском и рокотом рушились балки, крыша, ступени, уходя в бездну. Чернота расползлась, почти коснувшись её ног, но затем, словно наткнувшись на невидимую стену, отпрянула и исчезла, оставив после себя лишь леденящий ужас.

С трудом наполнив лёгкие воздухом, Нигма почувствовала, как во рту пересохло, а в ушах отчаянно застучало сердце. По спине катился холодный пот. Протерев лоб, она собрала остатки сил и направила щупальца магии, чтобы убедиться, что заклятие рассеялось. Но защитной линии больше не было — трава лежала пожухлой и безжизненной. С трудом поднявшись, она сунула кинжал в сумку. Тишина, наступившая после хаоса, давила сильнее крика. Лес погружался в ночную тьму, а с небес на неё взирала круглолицая богиня ночи, словно укоряя за провал.

Внезапно ей вспомнились слова Роя, бармена из трактира для сверхъестественных существ, о том, что в Сент-Эмерод появилась стая вырколаков. В то время у барной стойки разгорелся ожесточённый спор: кто-то утверждал, что видел вырколака к югу от города, другие жаловались на нападения стригоя. Две феи с тонкими, как комариный писк, голосами заявляли, что видели огромную змеоайку неподалёку от Священного Древа. Нигма отбросила эти пугающие воспоминания и направилась к лошади. В конце концов, она была потомственной ведьмой, значит, не должна бояться какого-то оборотня.

Конечно, мысль о том, что она стала ведьмой лишь три месяца назад, девушка старалась убрать подальше, окунаясь в поток завертевшихся слов. Она уже коснулась кожаного седла — потёртого, служившего ещё её отцу, охотнику на нечисть, — когда сзади послышался рык. Он был таким громким, что в ушах заклубился шум.

Честно говоря, Нигма никогда не сталкивалась ни со стригоями, ни с вырколаками: самым страшным воспоминанием из детства был демон, с которым её отец заключил пари и из-за которого лишился правой руки. И вот сейчас её охватил первобытный страх. Девушка сделала пару шагов назад, мгновенно вытащив кинжал. Хотя понимала, что он бесполезен против стригоя.

В следующий миг перед ней выскочил вырколак, источающий отвратительный запах разорванной плоти, часть которой свисала из его огромной пасти, покрытой кровью. Она вскрикнула, и его нечеловеческие глаза нашли её в темноте леса. Крик застрял в горле. Он запрокинул голову и завыл на луну. Подумать только — отличное время для бегства, но ноги словно приросли к месту. Она упустила момент, когда чудовище стало двигаться в её сторону — казалось, оно осознало, что Нигма станет лёгкой целью. Она попыталась вспомнить хоть одно защитное заклинание, и, когда его когти стремительно рванули к её лицу, они наткнулись на невидимую преграду.

Нигма с облегчением вздохнула. Удерживая защиту, она старалась открыть портал, сосредоточившись на главном зале поместья Иварта, но сил оказалось недостаточно. Раньше, в спокойной обстановке, ей с трудом удавалось переместиться из спальни в ванную через стену, а тут десятки миль. Она выругалась и прижала ладони к невидимой стене. Возможно, вырколаку надоест пытаться пробиться, и он пойдёт искать другую жертву.

«Как же, как же», — шептал надоедливый голосок здравого смысла. — «Держи карман шире». Её защита постепенно слабела. Нигма изо всех сил напирала на стену, но их было недостаточно.

Подумав, что терять нечего, Нигма ткнула кинжалом наугад, полоснув лезвием по морде вырколака. Тот взвыл и отшатнулся. Серебро сработало.

Забыв про защиту, она сорвалась с места, прочь с поляны. Но когда попыталась восстановить барьер, было поздно. Когтистые лапы вцепились в лодыжки, и она рухнула на землю, усыпанную иголками. Лицо обожгло болью. Кинжал отлетел в сторону, до него не дотянуться. Волк потащил её за собой, и щека болезненно заскользила по колючему лесному ковру.

Зверь перевернул её. На плечо упала горячая кровь из его пасти. Глаза горели безумием. Зажмурившись, она попыталась выпустить огонь из ладоней, но этого было слишком мало, чтобы нанести ему вред. Всё кончено.

Ведьма уже ждала смерти, но хватка вдруг ослабла, и зловонное дыхание отдалилось от лица. Судорожный вдох, распахнутые глаза. Труп вырколака, ещё дёргающийся в конвульсиях, лежал рядом. Перевернувшись, она отползла назад, парализованная ужасом. И тут увидела его. Мужскую фигуру, возвышающуюся над мёртвым чудовищем.

— Не скажешь, что ты ведьма, — бархатный, низкий голос, словно раскат грома.

Сжавшись в комок, обхватив колени руками, она смотрела, как он вытирает длинный меч и убирает его за спину. Потом достал из сумки флягу с горючей смесью и полил тело вырколака. Резкий запах ударил в нос.

— Кто ты? — язык словно онемел.

Он не обратил на неё внимания. Закончив поливать, швырнул флягу и выставил руку вперёд. Пламя вспыхнуло мгновенно — он бросил огонь в тело монстра. Оно поглотило тушу, и алые языки осветили лес.

— Тот, кто успел спасти твою никчёмную жизнь, ведьмочка.

Огонь осветил его лицо. Тёмные волосы, собранные в хвост, и пронзительный взгляд. В его глазах было что-то хищное, в отблесках пламени они казались янтарными. Запахло жареным мясом. Знакомый запах, но на таком близком расстоянии он был особенно тошнотворным. Закрыв нос, она пыталась сдержать рвоту.

— Кьеран, — произнёс он, окинув её взглядом. — Слышала об Ордене?

Конечно, слышала. Иварт ей все уши прожужжал об этих борцах против тёмного Лорда. Нигма взглянула на догорающее тело.

— Я тебе благодарна.

В ответ он промычал что-то невнятное.

— Он ведь… уже не был человеком? — спросила она, шагнув ближе к пеплу.

Парень помедлил, проходя мимо, бросил взгляд на догорающие останки.

— Давно нет.

— Почему?

— Глупый вопрос. Дочери охотника должны быть известны такие вещи.

Всё сгорело. Только закопчённая земля и запах гари. Она присела рядом, коснулась земли пальцами, закрыла глаза, пытаясь ощутить угасающую энергию. «Запах мертвечины, страдания… Воспоминания чужих жертв… Но где же человек? Не вижу…»

Тишина. Парень ждал. Она разочарованно вздохнула и провела пальцем по земле. И земля отозвалась, выпустив тонкие стебли. Фиолетовые маттиолы вырвались из-под елового ковра, источая нежный аромат.

За её спиной хмыкнули.

— Мёртвым почести ни к чему.

Она встала, коснулась цветов и пошла прочь. Поравнявшись с ним, остановилась.

— Но живым они нужны. Забвение страшнее смерти. Как думаешь, его будут искать?

Кьеран шёл следом, тихий, как тень.

— Может, стая явится. По запаху цветов, — с брезгливостью сказал он. — Соберутся волки с вонючими пастями вокруг куста и будут вспоминать павшего товарища.

В его голосе звучала насмешка, но спорить не хотелось.

Осмотревшись, Нигма поняла, что её кобылка в страхе сбежала.

— Идём, ведьмочка, довезу до города.

Тоскливо окинув округу взглядом, она поплелась за спасителем.

— Меня зовут Нигма, — сказала она, пытаясь догнать его. — Только никогда не смей называть меня полным именем «Нигмаруэтт».

Он тихо засмеялся.

Вскоре они вышли на поляну. Под огромной елью стояла его лошадь, куда крупнее её Эльки. Нигма кое-как уселась и ухватилась за плечи парня. Лошадь рванула с места, и она чуть не вылетела из седла. Пришлось крепко прижаться к его спине.

Глава 7. Ты до сих пор здесь, пленник в моей голове.

Альентар. Сент-Эмерод, октябрь, 1998 год.

Нигма жадно глотнула воздух, выныривая из сумрака транса. Первым, что она увидела, был Иварт, бесцеремонно сидевший за её письменным столом.— Так значит, высушенная красавка способна на такие чудеса, — ухмыльнулся он, скользя пальцами по пергаменту, усыпанному пылью от измельчённой травы. — Невероятно. А я всё гадал, отчего ты так к ней пристрастилась.— Не твоё дело, — ровным тоном отозвалась она, устремив взгляд в потолок.— Да, — скучающе выдохнул мужчина, выходя из-за стола. — Как обычно.Он обошёл её лежащую на кровати фигуру, рассматривая, как диковинную бабочку, приколотую булавкой к картону.— И что ты там увидела на этот раз? — спросил Иварт, подойдя к окну и устремив взгляд на унылый осенний пейзаж. — Будущее? Прошлое? Или очередного демона, решившего пощекотать твои нервы?Нигма молчала, собирая ускользающие осколки видения. Он всегда так: появляется в самый неподходящий момент и разрушает хрупкую ткань завесы своими глупыми вопросами.— Не молчи, Нигма, — его голос стал жестче.Она подскочила на кровати, злобно прожигая взглядом его спину.— Можешь злиться сколько влезет. Я всё равно всё видел, — сказал он. — Видел, что ты делала, когда твоя душа отделилась от тела. Мне просто интересно послушать тебя.— Я не намерена вести с тобой полуночные беседы, — она схватила со стула свою тёплую накидку. — Я домой.— Ты никуда не пойдёшь. — От его голоса ей стало не по себе. Она дёрнула ручку — бесполезно, он заблокировал дверь. — Твой дом отныне тут. Забыла?Он принялся размеренно шагать к ней.— Вырколак? Помню, ты тряслась при одном упоминании о нём, — он усмехнулся. — А теперь мастерски призываешь его, подчиняешь его волю, становишься единым целым с этим существом. Похвально.Он лениво зааплодировал.— Той ведьмы больше нет, — сказала она уверенным голосом. — Ты знаешь это.— Знаю, — сказал он, подходя ближе. — Но я помню ту напуганную, наивную, молодую ведьму. Помню, как поделился с ней своей силой в обмен на преданность. Помнишь ли ты? Сравнимо ли это с перерождением?Она нервно выдохнула, чувствуя, как прошлое, которое она так старалась похоронить, поднимается из глубин, угрожая поглотить её. Сердце бешено заколотилось.— Что тебе нужно, Иварт? — прошептала она, отступая на шаг.— Нужно? — он остановился, наклонив голову набок. — Мне ничего не нужно, Нигма. Просто интересно… насколько далеко ты готова зайти. И что ты готова отдать взамен.Он сделал ещё один шаг, сокращая расстояние между ними.— Ведь сила всегда требует платы, не так ли?В его глазах, как и тогда, много лет назад, плясало недоброе пламя искушения. И Нигма знала, что, как и тогда, ей придётся выбирать. Она замерла, как загнанный зверь.— Возможно, однажды твои таланты нам ещё понадобятся.Его слова проникали под кожу, обжигая волной мурашек, словно прикосновение к оголённым нервам.Нигма с ужасом осознала, что дрожит — не от страха, а от странного, пугающего предвкушения. Ярость, как голодный зверь, рвала её изнутри, терзая острыми когтями. Ладони Иварта, не касаясь, скользили вдоль её рук, словно околдовывая, заставляя задержать дыхание. Он трогал её постоянно — взглядом, голосом, самой своей силой, словно приручал дикую, непокорную птицу.Ублюдок. Манипулятор.Что будет, если кто-то войдёт? Какую картину увидит вошедший? Двух людей, связанных невидимой, опасной связью, переполненных невысказанным желанием? Предательская мысль, змеящаяся, как ядовитая гадина, заползла в сознание, но Нигма не могла сосредоточиться — её тело охватывал жар, не имеющий ничего общего с пробуждением её сил. Это совсем другое.— Мы были одним целым. Ты была моей. Твои таланты……а он принадлежал ей — своей тёмной властью, своей безграничной силой, своими турмалиновыми глазами, от которых кружилась голова, своим голосом, лишающим воли. Признать это — значит предать саму себя.Нигма зажмурилась, вспоминая его призрачные визиты. Она почти поверила, что сошла с ума. Звала ли она его? Подсознательно, повинуясь тёмному

инстинкту или желанию, которое она так отчаянно пыталась похоронить?«А что если…?»Этот вопрос преследовал её, и Нигма готова была зашить себе рот, лишь бы никогда не произнести его вслух. Потому что в глубине души, в унисон с её трепещущим сердцем, жило полузадушенное, опасное согласие.Разве недостаточно смертей, разрушений, страданий, чтобы ненавидеть его? Разве смерть самой себя не должна была укрепить её решимость?Лишить жизни, уничтожить, отдать на растерзание порождённым им чудовищам, чтобы эти преследующие её турмалиновые глаза навсегда погасли — Нигма должна этого жаждать, каждой клеткой своего тела, каждым шрамом, каждой седой прядью. Она должна хотеть его смерти, а не отчаянно цепляться за надежду, не тянуться к нему против воли, не желать его больше, чем саму свободу.От его слов, словно от ядовитого укуса, по телу расползался трепет, смешанный со страхом и неукротимым влечением. Нигма с трудом подавила дрожь.— Мои таланты? Ты говоришь о том, что ты используешь в своих грязных играх? — её голос прозвучал резко, полный сарказма, чтобы хоть как-то скрыть подступающую слабость.Иварт усмехнулся. Он всегда наслаждался её яростью, словно пил из неё жизненные силы.— Не преуменьшай свои способности, Нигма. Ты — ценный актив.— Активы не чувствуют, не любят, не страдают, — парировала она, отворачиваясь. — А я — я всё ещё человек. Несмотря на то, что ты пытаешься сделать.Она чувствовала его взгляд, прожигающий спину. Этот взгляд проникал под кожу, обволакивал сознание, лишая воли. Он всегда умел заглядывать в самые тёмные уголки её души, обнажая страхи и слабости.— Твои чувства — это твоя сила, Нигма. Они делают тебя… особенной.— Особенной? — она саркастически рассмеялась, но смех тут же застрял в горле. — Особенной жертвой? Особенной марионеткой?Тишина, повисшая в комнате, давила на неё, как многотонный груз. Нигма знала, что должна уйти, вырваться из его власти, пока не стало слишком поздно. Но ноги словно приросли к полу.— Ты можешь быть кем угодно, Нигма, — его голос звучал почти ласково, — если позволишь мне помочь тебе.Помочь? Это звучало как насмешка. Иварт никогда ничего не делал бескорыстно. За любую услугу он требовал плату, которая всегда оказывалась слишком высокой.Нигма закрыла глаза, пытаясь унять дрожь в руках. Она должна сопротивляться. Должна найти в себе силы вырваться из этого порочного круга. Но что-то внутри, какая-то тёмная, извращённая часть её существа, шептала, что сопротивление бесполезно.— Не говори глупости, Иварт, — произнесла она наконец, поворачиваясь к нему лицом. — Мы оба знаем, что ты преследуешь свои цели. И я не стану пешкой в твоей игре.Она смотрела в его турмалиновые глаза, пытаясь прочитать мысли, но видела лишь отражение собственной тьмы. Она знала, что стоит на краю пропасти, и один неверный шаг — и она сорвётся в бездну, из которой уже не будет возврата.Она уже была пешкой.И выбора не было. И Нигма, собрав остатки своей воли, сделала этот шаг.

***

Иветт снился Кьеран. Он приходил к ней во сне, когда она спала. Призрачные касания скользили по лицу, словно кончики прохладных пальцев. Его трепетные поцелуи оставляли горячие следы на её коже, словно клеймо. Расстёгнутая шёлковая рубашка нежно обвивала её изгибы, обрисовывая каждую линию тела. Его тёмный, обжигающий взгляд разбивал её сердце на миллионы осколков, заполняя душу терпким вином желаний, от которых невозможно укрыться. Чувства, словно атласный шнурок, затягивали узел на горле, лишая свободы и возможности вырваться из этого плена. Он нежно скользил губами по её ключице, слегка прикусывая кожу, оставляя багровые следы прикосновений. Медленно поднимался выше, лаская линию шеи до самого уха, чуть покусывая нежную кожу за мочкой. Рука осторожно скользила по телу, обрисовывая кончиками пальцев её изгибы, дразня, распаляя желание большего.Как можно думать о чём-то настолько сильно, чтобы эти мысли не только завладели разумом, но и душили ночами, заставляя в отчаянии вжиматься лицом в подушку? Иветт изо всех сил пыталась убедить себя, что всё это — лишь пустые грёзы, ненужная фантазия, не имеющая ничего общего с реальностью. Но тщетно. Каждый раз она возвращалась к его губам, представляя их

вкус на своих. День за днём она думала о руках, так нежно касающихся кожи, о звучном голосе, произносящем её имя, забывая обо всём на свете. Забывала, что хотела сделать пять минут назад, сбивалась со счёта выпитых чашек кофе. Но обиднее всего было осознавать, что всё это — лишь игра воображения, грёзы. Она лежала в кровати, уткнувшись лицом в подушку, пытаясь не думать о его губах, прикосновениях и чувствах, затопивших её сознание, сметая всё на своём пути… Но образ Кьерана возвращался снова и снова, преследуя её даже во сне. Он не давал покоя, не позволял отвлечься, не давал забыть.

Кьеран который день ломал голову, пытаясь понять, почему всё сложилось именно так. Он искал зацепки в лабиринтах своей памяти, пытался найти причину, по которой все его мысли вращались вокруг одного имени. И почему это имя заставляло его сердце трепетать, словно пойманную птицу? Он сжимал зубы, пытаясь переключиться на что-то другое, но тщетно — все мысли неизменно возвращались к ней. Он не мог выкинуть из головы нежную линию шеи, которой коснулись его губы во сне, и тихий стук её сердца под его рукой.Яркие лучи солнца, наглые и настойчивые, ворвались в комнату, разбудив его. Казалось, светило, уже поднявшееся высоко в небе, ощупывало золотыми щупальцами каждый уголок, заглядывая под мебель и взбираясь по стенам. Кьеран застонал и прикрыл глаза ладонью, пытаясь укрыться от этого вторжения.За его рабочим столом уже вовсю колдовала Иветт. Он лениво повернул голову, прищурился и скользнул взглядом по её фигуре. Казалось, она не замечала его пробуждения. Девушка, увлечённая алхимическими манипуляциями, сосредоточенно смешивала травы, о чём красноречиво свидетельствовал густой, пряный аромат, заполнивший комнату. Что-то бормотала себе под нос, то и дело бросая взгляд в раскрытую книгу. Взяв небольшую миску, она принялась тщательно перетирать в ней какие-то ингредиенты. Затем, задумавшись, на мгновение закрыла глаза. Он не сомневался в её таланте целительницы, а потому пригласил к себе, чтобы она помогла залечить раны. К тому же она сама горячо просила позволить ей помочь. Но он не ожидал увидеть её так рано.— Настойка календулы, вытяжка эвкалипта… измельчённая, высушенная амброзия… должно получиться, — прошептала Ив, сдувая со лба непослушную прядь волос. — Огонь медленный, помешивать по часовой стрелке…Кир тихо рассмеялся.— Знала бы ты, какая ты сейчас милая.Иветт резко обернулась всем корпусом, словно её застали за чем-то предосудительным. Голос Кьерана явно её удивил, и она замерла, словно испуганная птица.— Я не хотела тебя разбудить, — виновато произнесла девушка, опуская взгляд. — В следующий раз буду осторожнее.— Давно уже проснулся, просто наблюдал, — Кьеран резко встал с кровати, одним движением отбросив одеяло, и подошёл ближе к ней, рассматривая пузырёк в её руках. — Ты так увлеклась своим занятием, что даже не заметила.Мужчина подался вперёд, опираясь руками о край стола и нависая над ней. Иветт подняла на него взгляд, чувствуя, как учащается сердцебиение.— Это для тебя, — тихо сказала она, указывая на зелёную массу в миске. — Чтобы раны на руке не воспалились.Иветт осторожно, почти невесомо коснулась его перебинтованной руки, словно боялась причинить боль или разбудить какие-то чувства, которые лучше было оставить в покое. Её пальцы едва ощутимо скользнули по ткани, передавая не только заботу, но и невысказанное беспокойство.Кьеран смотрел на неё, не в силах отвести взгляд. Ему казалось, что время остановилось, а они — главные действующие лица небольшой интимной драмы, разыгрываемой в этом мгновении здесь, в его комнате.— Спасибо, — произнёс он наконец, всё ещё ощущая тепло от её пальцев на своей руке. — Я польщён твоей заботой.Они смотрели друг на друга какое-то время, пока Иветт, словно очнувшись от наваждения, снова не отвернулась и не занялась своим снадобьем. Кьеран медленно опустил взгляд на миску в руках девушки, затем на книгу рядом, а потом снова на неё.— Впервые встречаю целительницу, настолько увлечённую своим делом, — пробормотал он скорее себе под нос и снова усмехнулся.Он наблюдал, как она сосредоточенно растирает травы, её движения были плавными и точными, словно она выполняла сложный ритуал. Какая-то неведомая сила притягивала его к ней, и он не мог понять, что это:

искреннее восхищение, благодарность или что-то большее. Кьеран медленно шагнул ближе и опёрся бедром о край стола. Его взгляд зацепился за тонкую кожу на её запястьях, за выбившуюся из причёски прядь волос у виска, за чуть приоткрытые губы. Он хотел запомнить каждую черту её лица, каждый жест, каждое движение. Иветт, почувствовав его близость, резко обернулась, и их взгляды встретились. Словно электрический разряд прошёл между ними. На миг всё вокруг замерло, время словно остановилось, оставив их наедине. Он медленно поднял руку и убрал прядь волос с её лица, затем мягко коснулся пальцами её щеки. Она кашлянула, отстраняясь и отводя взгляд. Ив чувствовала, как её лицо залила краска.— Если ты продолжишь меня отвлекать, я не смогу закончить мазь, Кир.Кьеран на мгновение опешил от её слов, затем усмехнулся и покорно опустился на стул рядом с ней.— Тогда продолжай работать. Я постараюсь вести себя хорошо, — его обещание прозвучало с лёгким сарказмом, и он скрестил руки на груди, наблюдая за её работой.Девушка усмехнулась, но ничего не ответила, снова сосредоточившись на миске с травами. Однако Кьеран заметил лёгкий румянец, проступивший на её щеках. Ему нравилось видеть её такой: сосредоточенной, немного смущённой, но такой живой и настоящей. Он молча наблюдал за её работой, словно заворожённый. Какое-то время они сидели в тишине, которую нарушал только звук деревянной ложки, помешивающей массу в миске.— Готово, — удовлетворённо улыбнулась Иветт, пододвигая свой стул ближе к парню. — Повернись немного.Он послушно повернулся, позволяя ей получить полный доступ к раненому плечу. Иветт ловко смотала плотную льняную повязку, под которой, он знал, скрывалось не самое приятное зрелище. Он поморщился от боли, когда ткань отошла от присохшей крови, но не издал ни звука. Девушка осторожно ощупала рану, слегка надавливая на кожу вокруг неё. Затем, смочив чистую ткань в приготовленном отваре, бережно промыла её, удаляя остатки крови и грязи.— Глубокие, — выдохнула она, рассматривая повреждения. В её голосе звучало искреннее беспокойство.Закончив промывание, Иветт наложила на раны толстый слой зелёной кашицы, резко пахнущей эвкалиптом и травами. Затем она принялась бинтовать его плечо, ловко и умело накладывая витки ткани.— Потерпи немного, — прошептала девушка, затягивая последний узел. — Нужно зафиксировать плотно, чтобы мазь не стёрлась.Она закончила, и Кьеран почувствовал облегчение. Боль немного утихла, словно травы начали своё исцеляющее действие.— Готово, — сказала Иветт, отстраняясь и рассматривая свою работу. — Постарайся не двигать рукой слишком сильно. И завтра нужно будет сменить повязку.— Спасибо, — искренне произнёс Кир. — Ты действительно хорошо это делаешь.Она пожала плечами, словно не придавая этому значения, отошла и оглядела проделанную работу, проверяя узлы на перевязи. Кьеран сидел и смотрел на неё, не сводя взгляда. Ему было больно признаться в этом даже самому себе, но Иветт будоражила его внутри. Возможно, дело в том, что она была совсем не похожа на тех девушек, что обычно были рядом с ним. Кьеран всегда считал себя привыкшим ко всему, но рядом с ней он ощущал странное волнение.— Я просто делаю свою работу, — ответила она, собирая инструменты и отходя от стола. — Тебе нужно отдохнуть. Я оставлю тебя, мне нужно сходить на занятия по травоведению.Она направилась к двери, но мужчина остановил её.— Иветт, — позвал он, — подожди.Девушка обернулась, вопросительно глядя на него.— Почему ты это делаешь? — спросил он. — Почему ты заботишься обо мне?Она на мгновение задумалась, словно подбирая слова.— Потому что… — начала она, — потому что это правильно. Потому что кто-то должен заботиться о тебе.— Вот как, — произнёс он, не найдя других слов.— Мне нужно идти, — прошептала она, и её щёки слегка порозовели. — Занятия скоро начнутся.Он не хотел её отпускать, но понимал, что она права.— Тогда я провожу тебя, — предложил он, отпуская её и отступая на шаг.Она покачала головой, глядя на него с теплотой.— Не стоит, ты ещё слаб. Отдохни, а я сама доберусь, — ответила она, прикоснувшись рукой к его щеке. — Увидимся вечером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.